ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 47 1 СЕНТЯБРЯ 1903 ГОДА № 47

НЕДАВНИЕ СТАЧКИ, СОЦИАЛИЗМ И БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СВОБОДУ.

Стачки нынешнего лета, которые происходили, как известно, не только на юге, но отчасти так же и в центральном промышленном округе, еще раз с самой очевидной и убедительной ясностью показали, до какой степени была правильна тактика революционной соц.-демократии, отстаиваемая «Искрой» и «Зарей». Сущность этой тактики заключается в том, что социал-демократия, как передовой отряд пролетариата, пользуется всяким столкновением рабочих с предпринимателями для возможно более полного и всестороннего развития их классового самосознания. Между тем как наши «экономисты» проповедывали теорию так называемых стадий и утверждали, что речь о политике можно будет завести с рабочими только тогда, когда политические требования возникнут в их головах сами собою, без помощи «революционной бациллы», социал-демократы, защищавшие противоположный способ действия, доказывали, что экономические столкновения рабочих с предпринимателями всегда сопровождаются и не могут не сопровождаться у нас выступлением полицейских разбойников на защиту священных прав капитала и что наша партия безусловно обязана, — отнюдь не откладывая дела в долгий ящик, — поддерживать рабочих в их неизбежной борьбе с этими разбойниками и пользоваться этой борьбою как незаменимым средством политического воспитания пролетариата. Одним словом, социал-демократы этого образа мыслей брали себе ту самую роль «революционной бациллы», от которой так безрассудно отказывались «экономисты». И эта роль оказалась как нельзя более благодарной. В качестве передового отряда рабочего класса социал-демократия уже теперь сделалась влиятельным фактором общественного развития России. И чем усерднее станет она выполнять свою роль «бациллы», тем более будет расти ее общественное влияние. Но для того, чтобы быть в состоянии выполнять эту роль, мы должны неуклонно держаться раз принятой нами и уже испытанной тактики, с одинаковым старанием избегая как Харибды утопического «экономизма», так и Сциллы буржуазного демократизма.

Повторяем, стачки нынешнего лета еще раз с очевидной ясностью показали правильность тактики, усвоенной нашей революционной социал-демократией. Возьмем хоть события в Костроме. Здесь толчок движению был дан понижением расценков, и первоначально заволновалась масса, чуждая всяких политических стремлений. «Надо заметить, — говорит наш корреспондент, — что это были все люди, не тронутые никакой пропагандой, самый, так сказать, первобытный рабочий люд. Их толкала стихийная экономическая сила; им хотелось отбиться от неумолимо надвигающегося вместе с новой таксой голода, и, полные еще наивной веры, что кто-то за них должен и может заступиться, они упрямо доискивались тех, кому о них ведать надлежит». Только после двукратного бесплодного хождения к губернатору и бесчисленных придирок со стороны полиции этому «первобытному люду» стало очевидно, — как говорит тот же корреспондент, — что «губернатор им не поможет» и что «надо собственными силами одолевать упорных фабрикантов». Под влиянием этого только-что сложившегося убеждения у рабочих возникает намерение «итти на улицу и всему городу заявить о своем положении и о начатой борьбе с фабрикантами». При наших условиях такое действие по необходимости становится политическим действием, и шествие стачечников по городу превращается в политическую демонстрацию. Стачечники сами понимали это с большею или меньшею ясностью: они охотно пошли с красным знаменем, материал для которого — кусок кумача — был куплен одним из них, — по выражению нашего корреспондента, — на последний двугривенный. Уже одним этим «первобытный рабочий люд» фактически примыкал плечом к плечу к своим сознательным братьям, а последующие события могли только упрочить и расширить его духовную связь с ними. Неудивительно поэтому, что «выпущенные комитетом прокламации читались нарасхват рабочими, недавно совершенно равнодушными к политике» (другой корреспондент). «Революционная бацилла» не упустила случая повлиять на миросозерцание стачечников, и движение, начавшееся по чисто экономическим причинам, привело к расширению политических взглядов костромских рабочих. Так и должно совершаться политическое воспитание пролетариата под систематическим воздействием революционной социал-демократии.

В своем воззвании от 1 июня наш Костромской Комитет говорит: «Правительство — наш враг, товарищи, надо бороться с ним так же, как мы боремся с нашими хозяевами-фабрикантами. Никогда мы не добьемся лучшей жизни, никогда не освободимся от гнета денежного мешка, если не будем бороться против самодержавного правительства, если не будем добиваться политической свободы. Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать стачки и требовать от своих хозяев повышения заработка и улучшения условий труда... Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать большие собрания рабочих и толковать на них о своих делах, о том, как нам добиваться лучшей жизни... Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать постоянные союзы и общества рабочих, устраивать общие кассы для того, чтобы под-

держивать забастовавших работников, чтобы сообща устраивать хорошие библиотеки и покупать книжки, которые бы раз'ясняли нам наше положение и то, чего нам добиваться; чтобы выдавать пособия нуждающимся товарищам... Нам нужна свобода, товарищи, для того, чтобы развиваться и улучшать свою жизнь, отстаивать свои интересы перед правительством и капиталистами, чтобы стремиться к достижению такого устройства, при котором не будет тунеядцев-капиталистов, а все будут трудиться по мере сил и за свой труд получать столько средств, чтобы иметь возможность жить как живут люди, а не голодные собаки. Будем же дружно добиваться свободы» и т. д.

Все это верно и все это надо было сказать рабочим, но мы позволим себе заметить, что строки, относящиеся здесь к будущему устройству общества, отличаются некоторой неясностью, благодаря которой мысль, заключающаяся в них, едва ли произвела надлежащее впечатление на умы читателей. Ту же мысль можно было и следовало выразить иначе и точнее, указав на «конечную цель» пролетарского движения: переход средств производства в общественную собственность. Эта цель должна быть ясно сознана пролетариатом, и нам необходимо указывать на нее во всех тех случаях столкновений труда с капиталом, в которых рабочие поневоле задумываются о причинах своего зависимого положения в нынешнем обществе. Как ни важно для нас выяснить рабочим великое значение политической свободы, но мы не должны забывать, что «экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение подчинено как средство» и что мы чрезвычайно сильно затрудним рабочим понимание этой чрезвычайно важной для них истины, если в наших книгах, брошюрах или воззваниях цель отступит на задний план перед средством. Правда, в прокламации Костромского комитета значение для рабочих известных политических прав раз'ясняется тоже с точки зрения некоторых частных, второстепенных экономических целей. Но мы имеем в виду не частные и второстепенные цели, а именно «великую цель», т. е. не те реформы, которые рабочий класс, — опираясь на свои политические права, — вырвет у буржуазного общества, а ту революцию, которую он совершит, добившись политической власти, и которая будет состоять в замене буржуазных отношений производства социалистическими. Только эта революция и принесет с собою окончательное освобождение рабочего класса. Но на эту революцию воззвание Костромского комитета намекает, к сожалению, лишь в неясных и неточных выражениях. И в этом заключается недостаток этого воззвания. Нам необходимо избегать такой неясности и неточности, потому что, если бы они сделались обычным явлением в нашей печатной и устной пропаганде, то стала бы почти незаметной пограничная черта, отделяющая революционную социал-демократию от тех буржуазных партий, которые сладкими речами о социальной реформе хотели бы отговориться от социальной революции.

Чем сильнее будет расти у нас общественное движение против царского самодержавия, тем более станут развиваться эти буржуазные партии и тем настойчивее и опаснее для нас сделается их естественное и неизбежное стремление затемнить классовое самосознание пролетариата. Первым — столь же неизбежным и естественным — выражением этого стремления явится попытка доказать, что толки о социализме теперь несвоевременны, так как теперь надо сосредоточить все внимание на борьбе за политическую свободу и за частные экономические требования рабочих.

Подобная попытка была уже отчасти сделана «Освобождением» [1] в лице его одесского корреспондента. Заканчивая свое, — напечатанное в приложении к № 4(28), — описание последней стачки в Одессе, этот корреспондент пишет: «Обращение к обществу о поддержке стачечников заканчивалось восклицанием: „да здравствует социализм!“, что именно в этом воззвании едва ли было уместно: можно быть добрым гражданином и вполне сочувствующим настоящему рабочему движению человеком, но не разделять вовсе социалистической доктрины и не во имя ее жертвовать деньги; следовало найти общую для всех почву для сочувствия, и таковой вряд ли можно было считать идеи социализма, неясные большинству как общества, так и стачечников».

Если мы правильно поняли г. корреспондента, то говорить о социализме «именно в этом воззвании» не должно было между прочим потому, что социалистические идеи неясны большинству стачечников. Но ведь идеи политической свободы, наверное, тоже неясны были тем стачечникам, которые по своему умственному развитию еще не перестали принадлежать к «первобытному рабочему люду». Следует ли отсюда, что «именно в этом воззвании» не надо было упоминать также и об идеях политической свободы? Но тогда о чем же можно было упоминать «именно в этом» несчастном воззвании?

По словам г. корреспондента, социалистические идеи неясны также и большинству «общества». И это, конечно, справедливо. Но неясность данной идеи для данного «общества» далеко не равносильна ее недоступности для него. Если «общество» еще не поняло ее, хотя и способно понять ее по своему положению, — то задача передовых деятелей состоит в том, чтобы облегчить ему дело ее усвоения. А для этого они не только могут, но обязаны упоминать о ней и раз'яснять ее в своих воззваниях. Иное дело, конечно, если данная идея не соответствует положению «общества», если она, например, идет в разрез с его интересами. В этом случае она навсегда останется для него «неясною» и не вдохнет в него ни жажды борьбы ни самоотвержения. Надо признать, что г. корреспондент «Освобождения» имеет в виду как раз подобный случай. Известно, что наше «общество» состоит из людей так называемых высших классов, самим положением своим осужденных на «неясное» понимание социализма. Потому-то г. корреспондент и находит, что в обращении к этому обществу неуместно говорить о социализме. Но, во-первых, г. корреспондент забывает, что социалисты, как и прочие смертные, имеют право на искренность и потому могут считать недостойным себя и своей партии дипломатическое умалчивание о своих истинных стремлениях. Во-вторых, всякий мало-мальски разумный человек из числа тех «добрых граждан», которые не сочувствуют социализму, мог легко сообразить, что оказать поддержку семье стачечника, доведенного

до нищеты борьбой с предпринимателем и полицейскими разбоями, еще не значит содействовать немедленному торжеству социализма. Если же эти почтенные граждане так «добры», что уже одна мысль о том, что социализм может, пожалуй, восторжествовать в более или менее отдаленном будущем, способна отбить у них всякую охоту к пожертвованиям, то к таким господам партия, уважая себя и свое дело, совсем не должна обращаться за помощью. Что же касается доброго совета найти, забыв о социализме, «общую для всех почву для сочувствия», то такая почва может быть только почвой освободительных стремлений буржуазии, и нам нельзя встать на нее в своей агитации, не совершив самоубийства, к которому у нас нет ни малейшей склонности. В виду всего этого дипломатия, рекомендуемая «Освобождением», ни в каком случае не встретит сочувствия с нашей стороны. Революционная социал-демократия была и останется самым опасным врагом царского самодержавия: она одна способна воспитать и воспитывает ту общественную силу, которая обеспечит у нас торжество политической свободы. Но, ведя пролетариат на бой с царизмом, эта социал-демократия ни на минуту не перестанет развивать в умах рабочих ясное сознание враждебной противоположности их интересов с интересами эксплоататоров. Она твердо убеждена, что только тот пролетариат, который сознал эту противоположность, т. е. перешел на точку зрения социализма, окажется в состоянии энергично и успешно отстаивать как свои собственные экономические интересы, так и интересы политической свободы. И это свое твердое убеждение она не побоится высказать во всеуслышание, как бы сильно ни противоречило оно социально-политическим взглядам некоторых «добрых граждан». Дело свободы очень тесно связано теперь с делом социализма. И этой связи не разорвут, конечно, более или менее хитроумные рассуждения буржуазных дипломатов о необходимости найти «общую для всех почву для сочувствия».

[Г. Плеханов]

ЗАКОН О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ РАБОЧИХ, ПОТЕРПЕВШИХ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ.

Недавно вышедший новый закон, содержание которого указано в заглавии статьи, и закон о фабричных старостах, разобранный нами в предыдущем номере, представляют из себя довольно типичные образчики двух ветвей отечественного рабочего законодательства, выражающего ту или иную уступку духу времени. Кроме боевых реакционных законов, которые у нас в чрезвычайном обилии и особенно быстро проходят через все бюрократические мытарства и которые притом особенно обстоятельно составляются и особенно энергично применяются, — все остальные российские законы, касающиеся рабочего класса, могут быть разделены на две группы по их политическому характеру. Либо это законы, которые хоть в чем-нибудь, хотя на волос расширяют самостоятельность, самодеятельность, права рабочих, — и тогда эти законы обставляются сотней и тысячей из'ятий, оговорок, циркулярных раз'яснений и ограничений, которые все ведут, — выражаясь языком нашего проекта программы, — к «расширению или упрочению полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами». Таковы законы о фабричных старостах, о фабричной инспекции вообще и т. п. Либо законы выражают собою такую уступку, которая с самостоятельностью и самодеятельностью граждан не имеет ничего общего, — и тогда самодержавное правительство выступает с несравненно большею щедростью. Так и должно, конечно, быть с точки зрения общей тактики самодержавия, с точки зрения «правильно понятых» полицейских интересов. Западно-европейские демократы, искушенные уже всяческим опытом по части борьбы с полицейским государством, давно окрестили его политику словами: пряник и плеть. Пряник — это подачки революционным классам, это — уступки экономические, имеющие целью внести раздор в эти классы, привлечь часть их на свою сторону, заставить поверить в искренность и дружелюбие буржуазного правительства к пролетариату. Плеть — это полицейская травля всех тех, кто не имеет сам доверия к правительству и сеет дальше недоверие; плеть — это обуздание всех тех, кто стремится к полной свободе и самостоятельности рабочего класса, его союзов, его собраний, его газет, его политических учреждений и органов.

Закон о фабричных старостах дает рабочим представительство, которое могло бы послужить им против буржуазии и правительства. Поэтому представительство так искажается и стесняется, чтобы пользу из него могли извлечь только шпионы или хотя бы, главным образом, шпионы. Поэтому от представительства рабочих, провозглашенного законом, на самом-то деле, в практическом применении, остается, как от Тришкина кафтана, один ворот. А ворот нужен для того, чтобы за «ворот» тащить в участок злосчастного «старосту». Наоборот, закон о вознаграждении рабочих ни малейшим образом не затрагивает их политической самодеятельности, и тут можно быть, значит, пощедрее. Тут безопаснее можно выступить в роли «реформатора», а выступить надо, ибо растущее рабочее движение надвигается все более и более грозно. Бюрократическая машина начала работать двадцать лет тому назад над законопроектом об ответственности предпринимателей. Десять лет этот законопроект разрабатывали; наконец, особая комиссия его одобрила, и в 1893 году проект был опубликован и внесен в Государственный Совет... для того, чтобы вернуться опять под сукно еще на десяток лет! «Медленнее спешить», кажется, уже было нельзя, и законопроект, вероятно, еще десяток-другой лет пространствовал бы по министерствам и канцеляриям, если бы рабочий класс России своим натиском не встряхнул всего самодержавия.

И вот законопроект, кое в чем еще и еще раз ухудшенный, стал, наконец, законом. Для оценки этого закона сличим его с тем, что требуется в нашем проекте партийной программы: «рабочий отдел» этой программы должен быть для нас именно руководством в деле пропаганды и агитации. И только сличая отдельные пункты и требования нашей программы с современной действительностью и с попытками правящих классов реформировать ее, никого не обижая, мы в состоянии будем, с одной стороны, полнее и конкретнее уяснять себе и

массам смысл и значение нашей программы; с другой стороны, уяснять недостатки действующих законов; с третьей стороны, уяснять себе на деле, на фактах, до какой степени, при сохранении основы буржуазного строя, осуждены на мизерность результатов все и всяческие реформы.

Наш проект программы требует (§ 7 «рабочего» отдела) установления законом гражданской ответственности нанимателей вообще (за увечья и болезни рабочих), т. е. всякого, кто нанимает рабочих, всякого, кто извлекает прибыль из неоплаченного труда других, пользуясь их рабочей силой и не отвечая за гибель или порчу этого товара (рабочей силы) на работе. Между тем новый закон касается исключительно рабочих и служащих «в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». Исключены, следовательно, рабочие сельские, ремесленные, строительные, кустари и проч. и проч. Исключено громадное большинство наемных рабочих, трудящихся часто при худших и более опасных условиях; например, строительные рабочие и сельскохозяйственные при машинах страдают от увечий не меньше, если не больше, чем фабричные. Чем же об'яснить это исключение? Тем, что вне фабрично-заводской промышленности сапог еще не так жмет ногу: рабочее движение грозно проявилось только среди передовых слоев пролетариата, и правительство «заботится» (не о рабочих, конечно, а о подавлении рабочих) только в этой области. Но пролетариат, поскольку он участвует в движении, т. е. сознательный пролетариат, борется не из-за польз и выгод того или иного разряда рабочих, а за весь класс, за все классы, угнетенные капиталистическим строем. Разница между реформами, которых добивается пролетариат, и реформами, которые, как подачки, жалует правительство, выступает тут наглядно.

Далее. Новый закон обязывает владельцев предприятий вознаграждать рабочих только за утрату трудоспособности «от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ». Наша программа требует установления ответственности не только за потерю способности к труду вследствие несчастных случаев, но и вследствие вредных условий производства. Новый закон, следовательно, и здесь суживает ответственность нанимателей. Всем известно, какая масса рабочих теряет способность к труду не от несчастных только случаев, не от телесного повреждения, а от болезней, вызванных вредными условиями производства. Никакая борьба с этими вредными условиями путем всяких правил и предписаний не приводит ни к чему, если хозяева не отвечают за потерю рабочими трудоспособности от болезни. И, спрашивается, какая разница по существу между тем случаем, когда машина отрезывает у рабочего ногу, и тем случаем, что рабочий отравляется ядом фосфора, свинца, краски и т. п.? Разве медицинская наука не создала уже целого отдела болезней профессиональных, болезней, происхождение которых от вредных условий работы выяснено и доказано как дважды-два четыре? Но буржуазия и буржуазное правительство руководятся не логикой, не здравым смыслом, а грубой корыстью: за несчастные случаи придется заплатить меньше, чем за увечья плюс болезни от вредной обстановки. А все дело именно в том, чтобы заплатить поменьше, а не в «обеспечении» рабочих.

Новый закон освобождает рабочего от обязанности доказывать, что потеря трудоспособности произошла по вине капиталиста. Это — шаг вперед по сравнению с прошлым, несомненно... Но — русское правительство не может делать ни в чем шагов вперед без «но!» — но

СИЛЫ РУССКОГО КЛЕРИКАЛИЗМА.

I.

Устами одного из своих теоретиков русский царизм давно уже об'явил, что основа его политики определяется тремя словами: самодержавие, православие, народность. Приведение всех инородцев и всех иноверцев к знаменателям — «русская народность» и «православие» — вот задача, осуществить которую неуклонно стремятся хранители заветов русского самодержавия.

Православная церковь, являясь лишь специфическим российским государственным учреждением, представляет из себя такой социальный организм, особенное значение которого в жизни страны не только необходимо иметь в виду, но и обязательно внимательно изучить, усчитать и взвесить. Заботливо культивируемая законодательством, охраняемая от малейшего посягательства суровыми уголовными карами, имея во главе «священную особу государя императора», православная церковь является одной из многоветвистых бюрократических организаций, стоящих на бдительной страже существующего политического порядка, т. е. всегда является могучим сеятелем плевел всякой реакции и мракобесия в глубинах души и ума народной массы.

У нас почему-то укоренилось мнение, преуменьшающее силы русского клерикализма, состоящего на службе у русского самодержавия. Но эти силы, как мы увидим ниже, очень значительны.

Недавно появившийся «всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода Константина Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год» еще раз свидетельствует нам о значительности организации этого своеобразного «ведомства». Из этого отчета мы прежде всего видим, что белое и черное духовенство православной церкви старается проникнуть всюду и везде, где только возможно, в самые недра народной жизни: в качестве учителя, фельдшера, проповедника, помощника и печальника в горестях и болезнях, и везде и всюду несет свою реакционную пропаганду. Обладая различными специальными органами, православная церковь имеет возможность легко и настойчиво проводить свою линию в широких слоях городского и сельского населения. Вот факты и цифры, которые красноречиво говорят об этом.

По лицу земли русской раскидано повсюду немногонемало, а ровно 66.780 «храмов», часовен и молитвенных домов «ведомства православного исповедания». Другими

нанимателям зато позволено доказывать не только наличность злого умысла самого потерпевшего, но и «грубой неосторожности его (потерпевшего), не оправдываемой условиями и обстановкой производства работ». Это добавление в значительной степени парализует установление действительной ответственности, а при известном составе наших судов из чиновников, карьеристов и буржуазных педантов может парализовать применение закона и совершенно. Что значит «грубая неосторожность»,— это совершенно неопределенно и неопределимо. Какие условия и в каких пределах оправдывают грубую неосторожность и какие нет, об этом целиком предоставлено судить усмотрению чиновников. Капиталисты всякую «неосторожность» рабочего всегда считают и будут считать грубой и неоправдываемой, и в доказательство такого мнения капиталист всегда найдет вдесятеро больше свидетелей и «ученых» защитников (постоянные юрисконсульты все равно уже получают от заводов годовое содержание!), чем рабочие. Введение в закон всего этого пункта о грубой неосторожности есть грубая уступка фабрикантской корысти: рабочие не добровольно попадают под машины, а всегда по неосторожности, но дело в том, что нельзя быть осторожным при 10 — 11-часовой работе среди плохо огражденных машин, в плохо освещенной мастерской, среди шума и грохота, с притупленным работой вниманием, с взвинченными непосильным напряжением нервами. При таком положении дела лишать увечного рабочего вознаграждения за грубую неосторожность — значит наказывать рабочего еще и особо за то, что он позволяет капиталистам бессовестно себя эксплоатировать.

Указанные пункты представляют из себя коренные и главнейшие определения нового закона, вполне обрисовывающие его сущность. На всех частностях мы, конечно, не можем здесь останавливаться, укажем лишь те из них, которые наиболее характерны. Размер вознаграждения определяется в той или иной доле годового содержания потерпевшего, именно пенсия должна быть не более $^2/_3$ годового содержания потерпевшего (в случае смерти или полной утраты работоспособности). Годовое же содержание определяется на основании среднего поденного заработка (или средней поденной платы чернорабочему), помноженного на 260. Это постановление содержит в себе еще целых три урезки размеров вознаграждения, три поблажки корысти предпринимателей. Во-первых, если даже рабочий работал 300 дней в году, его годовое содержание урезывается до 260 дней, без всяких оснований, просто потому, что закон повелевает урезывать! Во-вторых, если даже рабочий получал лучший заработок, чем чернорабочий, все равно за основание расчета, при работе, например, в предприятиях, действующих не круглый год, берется лишь заработок чернорабочего. Правительству очень хотелось бы свести всех рабочих до положения чернорабочих, для сознательного пролетария вытекает отсюда тот урок, что только тесное единство всех рабочих и всех чернорабочих вместе в состоянии создать силу, способную сломить корысть капитала. В-третьих, размер средней поденной платы чернорабочему определяется на каждое трехлетие (!) присутствиями по фабричным и горнозаводским делам, без всякого участия рабочих, само собою разумеется. Рабочих это не касается, а губернаторские и жандармские канцелярии, несомненно, превосходно знают рабочую жизнь и рабочие платы.

Следует отметить также, что закон обязывает владельцев предприятий давать знать немедленно полиции только о таких несчастных случаях, которые подходят под действие закона. Какие же это случаи? Когда трудоспособность утрачивается долее чем на три дня. Но кто же может знать немедленно после не-

---

словами: русское правительство имеет в своем распоряжении 66.780 мест, освященных небесными авторитетами, где постоянно собирается народ различных классов населения и где, превращая амвон в платформу, корыстно-преданные правительству «жандармы православия» могут, по одному мановению «свыше», выступить в качестве ревностных популяризаторов идей царизма, в качестве подстрекателей народной толпы против кого угодно: против революционеров, сектантов, евреев и пр.

История дает нам тому достаточно примеров. Во время последнего восстания Польши[2] за свою независимость с амвонов «православных храмов всея России» раздалось крылатое слово, направляемое Муравьевым-Вешателем, Катковым и т. п. правительственными столпами, посеявшее племенную ненависть и вражду против восставшего народа, разлившее повсюду яд гнусного шовинизма и создавшее новую преграду для проникновения в народную среду свободных демократических идей. Во время последней турецкой войны[3], когда русское правительство, испугавшись внутренней смуты, начавшей волновать различные слои населения, отвлекло народное внимание на освобождение «братьев-славян» от «басурманского ига», раздавались страстные завывания с амвонов тысяч церквей, возбуждая, взвинчивая и натравливая народ русский на неведомого ему «исконного врага — турка».

После убийства Александра II — опять-таки прежде всего через русские церкви — пошла клеветническая пропаганда против революционеров, начавшаяся знаменитым оповещением «святейшего синода» и продолжавшаяся в проповедях на ту же тему. И так было всегда до наших дней, когда попы всех рангов, до митрополитов и св. синода включительно, предают анафеме Льва Толстого[4] и вообще стараются изо всех сил восстановить в народной массе «христианское» благочестие, смирение и покорность, во имя борьбы с «внутренним врагом». И, несмотря на то, что авторитет церкви уже сильно поколеблен в народе, все-таки ее тысячеголосая противореволюционная пропаганда не может не оказывать значительного влияния на полуграмотные и часто совершенно политически неразвитые народные массы, не только деревенские, но и городские.

Правительство чует, что «храмы божии» — значительная опора для господствующего порядка вещей, и оно продолжает усиленную постройку церквей, особенно там, где начала развиваться промышленность, а с ней образовалось значительное скопление рабочего люда, например по линии Сибирской ж. д. В 1899 г. вновь было построено в России 833 сооружения этого рода.

Обслуживать все «храмы» православной церкви было призвано огромное число людей, — можно сказать, целая армия.

счастного случая, на сколько дней потеряет рабочий трудоспособность? Правило это нелепо до смешного и дает только лазейку фабрикантам, которые в массе случаев будут освобождать себя (и будут освобождены судами) об обязанности извещать власти о каждом несчастном случае. Правда, закон постановляет, что потерпевший может требовать извещения полиции о всех безусловно случаях телесного повреждения, хотя бы и не подходящих под закон: это сказано прямо в § 20 «правил о вознаграждении потерпевших рабочих», и мы советуем настойчиво всем рабочим агитировать всеми силами за постоянное и обязательное применение этого параграфа. Пусть рабочие настаивают, чтобы каждый потерпевший всегда и безусловно требовал, на основании § 20, извещения фабричного инспектора о каждом несчастном случае; только тогда возможно хоть сколько-нибудь точное определение числа несчастных случаев и изучение их причин. Мы уверены, что сознательные рабочие используют это право, но массы и массы не будут даже знать, что у них есть такое право!

За неизвещение полиции о несчастных случаях и вообще за всякое несоблюдение правил нового закона владельцы предприятий подвергаются лишь денежной пене, в размере от 25 до 100 рублей. Штраф этот, конечно, совершенно ничтожный, вовсе не страшный для крупных заводов (которые занимают громадное большинство фабричных рабочих). В этом случае особенно наглядно видно, как необходимо осуществление § 14 нашего проекта программы, который требует «установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда». Грозить миллионерам сторублевыми штрафами за неисполнение закона, от которого зависит обеспечение искалеченного на всю жизнь рабочего, значит издеваться над рабочим.

Одним из наиболее вредных и наиболее иезуитски-составленных пунктов нового закона является п. 31, который предоставляет потерпевшим рабочим и членам их семей входить с владельцем предприятия в соглашение о виде и размере причитающегося им вознаграждения. Нечего и говорить, что эти соглашения будут, в громадном большинстве случаев, систематическим обманом и запугиванием наиболее неразвитых рабочих, знающих твердо только одно: дороговизну, волокиту и пристрастность русских судов. Фабричные инспектора, которые должны свидетельствовать эти соглашения (равносильные судебной мировой сделке), будут охранять при этом чьи угодно интересы, только не интересы рабочих.

Мало того, что фабричным инспекторам, которые теперь все более и более превращаются в простых подручных полиции, предоставляется роль «примирителей». Закон хочет даже сделать из них каких-то своеобразных судей. Закон поощряет обращение хозяев и рабочих к фабричным инспекторам для раз'яснения сторонам их прав и обязанностей, при чем фабричные инспектора имеют право и собирать «все необходимые сведения», и требовать пред'явления их сторонам и приглашать врачей для освидетельствования. Это уже совершенно судейское дело, поручаемое подчиненным губернатору чиновникам! И никакого порядка, никаких правил для этого суда не постановлено: как будет собирать сведения инспектор, как он будет и будет ли пред'являть эти сведения обеим сторонам, как он будет вести разбирательство, — все это предоставлено его полнейшему усмотрению. Это положительно что-то вроде дореформенного полицейского суда. А за необращение к фабричному уряднику (в качестве судьи) закон грозит даже известным лишением: кто не обратится до суда к фабричному инспектору, тот теряет право на получение с ответчика судебных и за ведение дел издержек.

В мужских монастырях в 1899 г. находилось . . .	16.158 чел.
В женских » » » » . . .	36.146 »
Итого в монастырях . .	52.304 чел.
В церквах протоиереев	2.050 »
» » священников	43.090 »
» » дьяконов	14.413 »
» » причетников	43.743 «
Итого белого духовенства . .	103.296 чел.

Итак, на действительной службе по «вед. православного вероисповедания», — кроме гг. миссионеров, число которых в отчете не определено, кроме чиновников центрального управления «ведомства» и консисторий, — находится всего 155.600 чел. Мы сказали «на действительной службе» потому, что за этот же год вышло в отставку («за штат») по разным причинам всего 5.149 чел. из белого духовенства. Это значительное число «служителей алтаря», уйдя с амвона, вероятно осталось так же настроенным, и в подсчете политического влияния духовенства на народное сознание мы и его должны принять во внимание.

Постараемся теперь определить, во что обходится народу содержание этой огромной армии так наз. «спасителей душ», развращающих ум и сердца миллионов людей.

1) В 1899 году из государственного казначейства по финансовой смете святейшего синода было выдано	21.199.144 р.
2) Кружечного и кошелькового сбора поступило .	5.293.781 »
3) Свечного сбора поступило	8.342.692 »
4) С оброчных статей и процентов с церковных капиталов	3.344.497 »
5) От разных других статей (пожертвования, случайные доходы и прочее)	7.413.040 »
6) В церковно-приходские попечительства поступило	3.891.601 »
7) Из сумм епархиальных попечительств о призрении бедных духовного звания	2.954.851 »
Итого . .	52.439.606 р

Вот та огромная сумма денег, которая была взята различными способами у русского народа «ведомством православного исповедания». Мы считаем нужным оговориться, что эти цифры несомненно ниже действительных. В самом «отчете» есть на это указания. На 264-й странице имеется следующее примечание: «сведений о доходах сборов кружечного, кошелькового и свечного по 9 епархиям не доставлено». Принимая во внимание, что

Нам остается только и тут напомнить, что социал-демократическая рабочая партия требует не таких судов, не посредничества чиновников, а учреждения промысловых судов из представителей от рабочих и хозяев поровну. Только такие суды, при политически свободном строе государства, могут дать рабочим сколько-нибудь удовлетворительное посредничество в деле раз'яснения прав и обязанностей сторон, в деле предварительного рассмотрения жалоб и претензий по поводу вознаграждения увечных. Такие суды существуют во всех цивилизованных государствах, и даже русские чиновники еще 40 лет тому назад предлагали ввести их в России. Сорок лет тому назад была назначена комиссия для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Комиссия издала «труды», целых пять томов, комиссия написала и проекты новых уставов, комиссия высказалась за создание промысловых судов из выборных представителей, — и... и все это положили под сукно! Груды хороших пожеланий наполняют архивы бесчисленных российских канцелярий и будут наполнять до тех пор, пока рабочий класс не встряхнет всего этого хлама.

ПРИЧИНЫ НЕПРЕРЫВНЫХ РАБОЧИХ СТАЧЕК В БАКУ.

Прежде чем говорить о причинах непрерывных рабочих забастовок в городе Баку за последний год, я должен сказать несколько слов о самом городе Баку, являющемся одним из самых важных рабочих центров обширного русского государства. Город Баку представляет из себя не только центр нефтяной промышленности, как думают обыкновенно за границей, но и центр рыбной промышленности западного побережья Каспийского моря. В Баку находится рыбное управление Бакинской губ. и Дагестанской области, сюда поступают все жалобы с промыслов, здесь чинят суд и расправу над хозяевами и рабочими. Кроме того, Баку — порт; в Бакинскую губ. и через нее тянется переселенческий пролетариат, обезземеленный и изголодавшийся у себя на родине, идущий сюда для того, чтобы пристроиться где-нибудь и как-нибудь.

Из всего сказанного вполне понятно, что г. Баку является одним из крупнейших центров пролетариата. Рабочее население в Баку состоит из двух главных элементов: из русского (я подразумеваю здесь все национальности, заселяющие Россию) и персов, стекающихся громадными массами в Баку из пределов Персии. Перс-рабочий, приходящий из страны самого широкого произвола, представляет из себя существо совершенно темное, забитое до последней степени, совершенно не имеющее представления о правах человека. Он привык безропотно подчиняться и работать в этом слепом подчинении всю свою жизнь. Этой забитостью персидского чернорабочего об'ясняется та необыкновенная тугость, с которой перс-рабочий присоединяется ко всякого рода стачкам и забастовкам. В то время как русский рабочий мало-по-малу начинает подымать голову из окружавшего его до сей поры мрака, перс-рабочий тормозит рабочее движение в Баку. Однако этот последний год оказался настолько тяжелым для пролетариата, что к рабочему движению присоединились в небольшом количестве и персы. Живя в Баку весь последний год, я мог в достаточной степени ознакомиться с положением рабочего люда в этом городе.

Постараюсь нарисовать несколько картин из промысловой жизни.

Прежде всего скажу несколько слов о нефтяных промыслах. Миновавший уже теперь нефтяной кризис повлек

всех епархий 61, мы можем законно предположить, что более чем седьмая часть по этим солидным статьям дохода не числится на приходе. В цитируемом нами «отчете» также нигде не показана ценность движимого и недвижимого имущества белого и черного духовенства, церквей, подворий и монастырей. Только при подсчете всего этого имущества мы могли бы составить себе более или менее точное представление о финансовом и хозяйственном значении «православной церкви» в общей экономии страны. Что имущества эти весьма значительны, видно уже из того, что только в сберегательных государственных кассах, т. е. в виде мелких вкладов, у духовенства имеется 46.000.000 рублей! Крупные же состояния духовенства, конечно, хранятся в центральных государственных и частных банках.

II.

Православная церковь, верная своему принципу борьбы со всякими проявлениями прогресса, в частности с проявлениями революционной пропаганды, стремится занять первенствующую роль в деле воспитания подрастающих поколений, прекрасно зная, что, развращая души молодежи своей рабьей проповедью «терпения, смирения и подчинения», она идет по верному пути к укреплению своей силы и силы своего союзника и покровителя — самодержавного правительства. Для достижения этой цели она высылает из себя повсюду кадры миссионеров, заводит свои школы и проникает во все уже имеющиеся, стараясь там обеспечить себе наибольшее влияние, добиваясь — и не без успеха — роли постоянного дозорного по отношению к учащим и учащимся. Этой миссии духовенства — влияния на подрастающие поколения — Победоносцев отводит значительное место. Так, докладывая царю о расширении детских приютов при монастырях для православных сирот в трех пунктах Польши, он прибавляет: «дело призрения православных сирот с расширением помянутых приютов поставлено на почву твердую и вполне надежную, и названные выше обители сослужат немалую службу России воспитанием православных сирот в духе русских государственных и народных начал» (стр. 29).

Как и западно-европейский католицизм, — русское православие стремится проникнуть в семью и возможно крепче захватить в сети своей пропаганды женщин, прекрасно зная, что хотя «мужчины и правят миром», но зато мужчинами очень часто «управляют женщины».

«Деятельность духовенства, — пишет Победоносцев, — по отношению к церковно-школьному делу была неослабная. Особенного внимания заслуживают в этом

за собой прекращение и уменьшение работ на многих нефтяных площадях, а следовательно и массовый расчет рабочих. Среди рассчитанных было много законтрактованных, контракты с которыми были нарушены на основании мелочных придирок. Выгнанный народ получал жалованье за последний день работы, выбрасывался на улицу, а на его протесты решительно никто не обращал внимания. Подача жалоб в суд также не приводила ни к каким результатам. Рабочий подавал в мировой суд, выигрывал в нем дело, а хозяин подавал апелляцию, и дело затягивалось на несколько месяцев. В случае же выигрыша рабочим дела и в окружном суде, хозяин подавал кассационную жалобу, дело тянулось годы, а за это время рабочий, не имевший места, или спивался и умирал где-нибудь под забором в городе или махал рукой на всю эту канитель и исчезал из Баку. Непрочное положение рабочего, отсутствие союзов и рабочих касс в этот период времени дали себя почувствовать с особенной силой. Подбадриваемая социал-демократической организацией рабочая масса мало-по-малу начинала сознавать шаткость своего положения и начинала роптать. Произвол, царящий на нефтяных промыслах, заставил, наконец, их взять свою судьбу в свои руки. Само начальство, усиленно закрывающее глаза на положение раб., больше всего способствовало тем забастовкам, которые проявились в настоящее время с такой силой. Вот несколько примеров положения рабочих. Лестница на резервуаре не закреплена. Рабочему приказывают лезть на нее; он лезет, падает вместе с лестницей и калечит себе руку или ногу. Он подает в суд (начальство в эти дела не входит), хозяин тянет дело по всем инстанциям два — три года. Искалеченный человек, неспособный к труду и оставшийся без хлеба, идет на нищенство. Его ловит полиция и отправляет этапным порядком на родину. Не находя там пищи, калека уходит снова в город, и начинается странствование по острогам и этапам. А тем временем его вызывают в суд; повестка до него не доходит, и дело прекращается за неявкой истца. Страховые общества, старающиеся всячески обмануть потерпевшего (да и страховая сумма обыкновенно очень незначительна) и оттягивающие под различными предлогами страховые премии, безнаказанно совершали до сих пор свои проделки, и начальство не только не приходило на помощь пострадавшим, но, наоборот, явно уклонялось от вмешательства в дела, держа в большинстве случаев сторону страховых обществ. Бывали и такие случаи: на некоторых промыслах практикуется продажа мест. Чтобы получить место, рабочий уплачивал управляющему от десяти до двадцати пяти рублей за полугодие вперед. Жалобы хозяевам в таких случаях не приводили ни к чему. Губернские власти требовали документов и, за неимением их, выгоняли жалобщиков в шею. Печать оказывалась также бессильной, так как цензура не разрешала разоблачать подобные вымогательства. Бывали случаи, что цензор зачеркивал сообщения о проступках таких лиц, которые были уже уличены и против которых велось судебное преследование. О сокращении срока работы ни сами рабочие, ни печать не смели и заикаться. Желая добиться улучшений мирным путем, рабочие один за другим осаждали местные редакции, но им отказывали в помощи, раз'ясняя, что писать подобные вещи бесполезно, так как цензор все равно не пропустит. Пресса делала иногда слабые попытки, но цензорский карандаш или искажал смысл статей или вычеркивал все. Рабочие стали направляться в полицию и к губернатору. Но там их ждало не строгое расследование, а свирепые окрики властей, называвших их «бунтовщиками» и «вредными элементами». Наиболее смелых начальство снабжало проходными свидетельствами и высылало из города, остальных запугивало.

отношении заботы его о развитии церковно-школьного образования для девочек, число церковных школ исключительно женских значительно увеличивается. Так, число девочек, учащихся в церковных школах Подольской епархии, достигло в 1899 г. свыше 19 тысяч. Нет сомнения, — заключает Победоносцев, — что женщина-мать, воспитанная в церковных школах в духе православия и христианской нравственности, будет в том же духе и направлении воспитывать и своих детей, а это в будущем составит оплот православия, русской народности и преданности престолу». Это откровенное признание духовного отца и властителя дум «ведомства православного исповедания» ясно рисует перед нами политическую цель православной церкви. Подкрепляемые пастырями участка, жандармского управления и охранного отделения пастыри православного ведомства бодро и твердо несут свое знамя, распространяя и поддерживая повсюду тьму, насилие и ложь. Всякому, кому дороги интересы трудящихся масс, кому дорога свобода и независимость личности, законодательная гарантия неприкосновенности ее прав, кто заинтересован вообще в расчистке поля борьбы за полное уничтожение социального и экономического неравенства и эксплоатации не может не подняться на борьбу и с этим врагом, прикрывающим себя религиозной мантией, — с врагом, называемым «православной церковью». Эта церковь является у нас в России органом азиатского государства с ясной программой активно-реакционной деятельности и вполне определенной физиономией союзника позорного правительства.

Ободряемая и поддерживаемая центральной властью, православная церковь уже забрала в сферу своего влияния не только взрослых, так наз. «прихожан», но и подрастающие поколения.

Вот много говорящие цифры. Мужских духовно-учебных заведений (кроме низших школ) в России в 1899 г. было 249. В них числилось «начальников и наставников» 3.116 человек. Учащихся в этих школах — 53.413 человек. Женских училищ духовного ведомства (кроме низших школ) в России — 13; учащихся в них — 2.337 чел. Церковно-приходских школ к 1 января 1900 г. всего было 19.502 школы *. В них училось: мальчиков — 709.177, девочек — 251.265, а всего — 960.442 чел. Школ грамоты к 1 января 1900 г. всего было 21.900 **. В них училось 454.847

---

* В числе этих школ, за неимением сведений, не значатся 42 школы разных епархий и кроме того все школы Забайкальской епархии.

** В числе этих школ, за неимением сведений, не значится 78 школ разных епархий и все школы Якутской и Забайкальской епархий.

Еще более безотрадную картину представляют из себя рыбные промыслы восточного Закавказья. На промыслах этих собирается весной весь пришлый пролетариат, наголодавшийся за долгую зиму и еле дотянувший до весны. Тут собирается наиболее голодный народ, а следовательно и наиболее приниженный. Грамотных мало, и хозяева широко пользуются этим обстоятельством. Например, когда рабочий нанимается, хозяин отбирает у него паспорт, но рабочей книжки не дает. Рабочие загоняются, словно скот, в грязные тесовые бараки, о которых ни уездная полиция, ни промысловое начальство никогда не заботится, и работа начинается. О пище я и не говорю. Надо побывать на этих промыслах самому, чтобы составить себе о них представление. И вот, если кто-нибудь из этих приниженных людей запротестует, хозяин без всяких разговоров выгоняет его, при чем чаще всего не отдает ему паспорта и заработка. Обиженный рабочий идет к начальству, которое, прежде чем выслушать его, требует паспорт. Рабочий начинает об'яснять, но его не слушают: «Подавай или паспорт или книжку». Ни того ни другого нет. Иногда начальство наводит справку, хозяин отвечает, что жалованье уплачено, а паспорт отдан назад, и начальство успокаивается. В лучшем случае рабочего лишь выгоняют вон, а в худшем — арестовывают как беспаспортного и выпроваживают на родину. Таким образом фабрикуются беспаспортные бродяги. Как можно безнаказанно издеваться над рабочим, показывает следующий характерный случай. Одному из рыбопромышленников пришла охота позабавиться. Поймав какого-то подвыпившего рабочего, он влил в него еще полбутылки водки, засадил в пустую бочку, закупорил и велел катать. Когда истязание окончилось, несчастный оказался совершенно изуродованным. Он обратился с жалобой к промысловой полиции, но там получил лишь несколько затрещин. Дальнейшие жалобы не привели ни к чему. Но самое главное зло это — материальная необеспеченность рыбопромышленного рабочего. Улов хороший — жалованье платится, улов плох — рабочий не получает ничего. Хозяин скрывается, и никто его не преследует; а так как залога вносить не полагается, то зачастую целые партии рабочих, проработав два-три месяца, остаются без всякого заработка.

Плохое положение занимают в Баку и судовые служащие, хотя портовое начальство Бакинского порта много лучше других. Оно требует безусловной выдачи книжек со вписанными условиями найма. Но и этот закон обходится судохозяевами очень просто. В г. Баку все судовые служащие, начиная от матросов и кончая командирами судов, могут быть вышвырнуты со службы в любой момент без всякой уплаты договорной неустойки. Делается это очень просто. Человек почему-либо не понравился судовладельцу. Моментально все вещи его выкидываются с парохода на пристань, и ему об'являют, что он больше не служащий. За что? — За пьянство, — по контракту за пьянство можно выгонять служащего без уплаты денег, следуемых по контракту. Если выгнанный, который не пьянствовал, подает в суд, хозяин выставляет против него десяток персов-лжесвидетелей и выигрывает дело. Высшее же губернское начальство в эти дела не входит.

Скажу еще несколько слов о причине забастовки служащих конки. До апреля месяца кондуктора и кучера бакинской конки работали не более и не менее, как по 18 часов в сутки, от 5 часов утра до 11 часов вечера, имея на обед всего полчаса (вставали в 5 часов, к шести приходили в парки, и в 7 часов выезжали, ездили до 9 часов вечера и в 10 часов уезжали домой). Изнуренные этой адской работой, они подали просьбу в городскую управу, прося город прийти к ним на помощь. Но губернская власть оставила жалобу под сукном. Не видя

мальчиков и 138.940 девочек. А всего — 593.787 чел. «Воскресно-повторительные занятия» духовенством велись в 783 школах, их посетило 18.779 учащихся. «Воскресных школ» духовного ведомства всего было 459, в них училось 26.000 человек. Краткосрочные педагогические курсы были организованы в 163 пунктах, их посетило всего 7.320 слушателей. Так что всего под непосредственным наблюдением и безраздельным влиянием православного духовенства в 1899 г. в России находилось 43.069 учебных заведений *. Учащих и наставников во всех этих школах числилось 85.358 чел. Во всех этих школах училось 1.217.437 мальчиков и 392.542 девочки, а всего 1.662.075 учеников и учениц.

Итак, более полутора миллиона молодежи из всего подрастающего поколения России находится под систематическим влиянием и постоянным дозором православного духовенства. В это число, конечно, не входят ученики всех земских и городских училищ и школ, а также ученики светских мужских и женских средних учебных заведений, где также все более и более усиливается, под давлением правительства, влияние поповской рясы.

III.

Чтобы закончить обозрение способов непосредственного влияния православной церкви на народные массы, мы должны хоть вкратце остановиться на православной миссии, которая, как известно, более всего действует не «в дебрях диких стран, населенных язычниками», а по преимуществу в коренной России, борясь с расколом и сектантством.

Кроме миссий, пользующихся правительственной поддержкой, в России существуют частные миссионерские организации. Одна из самых больших организаций этого типа находится в Москве. Она учреждена в 1869 г. при митрополите Иннокентии и называется: «Православное Миссионерское Общество». В 1899 г. этому обществу исполнилось 30 лет. За это время «названным обществом, — сообщает отчет, — на поддержание и развитие миссионерского дела в России употреблено 4.094.357 рублей». В 1899 г. в обществе находилось: 15.005 членов. Общество располагало 48 комитетами, разбросанными по всей России, при чем наличные средства общества к концу 1899 г. исчислялись изрядной суммой в 1.260.581 рубль.

* Кроме того, в епархиях состояло 225 школ миссионерских и 202 „братских“ школы, число учащихся в которых не определено, так что общее число школ „ведомства православного исповедания“ равняется 43.496.

никакого улучшения, служащие забастовали, но нагайками полиции были поставлены на свои места, причем на этот раз им было об'явлено, что улучшение в их положении последует в самом непродолжительном времени. Улучшение, действительно, в скором времени последовало. На обед прибавлено было $^1/_2$ часа и смена стала производиться в 8 часов вечера. Рабочие часы, таким образом, уменьшились до $15^1/_2$. Но в то же время по совету полиции правление конки, желая отделаться от «бунтовщиков», стало тайно подыскивать новый комплект кондукторов, при которых можно было бы перейти к старой системе. Тайна выплыла наружу, и разразилась новая забастовка.

Таким образом бакинский пролетариат оказался вполне бесправным во всех видах труда, чем и об'ясняется то единодушие последнего времени, с которым рабочие города Баку об'явили всеобщую стачку, привлекшую даже наиболее отсталых рабочих рыбных промыслов. Полная безнаказанность бакинской (как и вообще русской) полиции, пользующейся чрезвычайно широко этой привилегией, берущей взятки с хозяев совершенно открыто, послужила той каплей, которая переполнила чашу терпения. Обратиться к содействию полиции против несправедливости хозяина значило прослыть «бунтовщиком» и потерять место. В таких случаях полиция брала с хозяина взятку, а рабочий выгонялся вон. Пресса, которой запрещалось писать о полиции что бы то ни было, была бессильна. Фабричная инспекция и губернские власти, ни разу не опросившие рабочих о том, довольны они или нет, чего им недостает и т. п., совершенно не входили в нужды пролетариата, делая лишь визиты хозяевам, рассказывавшим им о своих великолепных отношениях к рабочим и о своей гуманности. И вот, потолкавшись по редакциям, по фабричным инспекциям, полициям, судьям и губернским канцеляриям, бакинский пролетарий должен был, наконец, убедиться, что ему неоткуда ждать помощи. Оставалось последнее средство — массовый протест. К нему и прибег пролетарий после того как перепробовал все мирные средства.

[В. Кнуньянц].

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Дело о фабричных беспорядках.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о крестьянах: Петре Кириллове, Лаврентии Иванове Комелове, Алексее Васильеве Губанове, Василии Филиппове, Иване Степанове Жарове, Андрее Николаеве Быкове, Дмитрии Федорове Молодове, Арсении Васильеве Чижикове, Степане Алексееве Капустине, Александре Августинове Виноградове, мещанине города Твери Иване Егорове, крестьянах Николае Константинове, Василии Сергееве, Арсении Михайлове, Павле Семенове, Иване Семенове Жирнове, Илье Прокофьеве, Егоре Ильине Чернове, Николае Кириллове, Петре Кириллове Ершове, Михаиле Андрееве, Николае Васильеве Комарове, Андрее Васильеве Галахине и Николае Филиппове Смирнове.

4 апреля 1902 года на бумаготкацкой фабрике торгового дома «Иван Залогин с сыном» близ гор. Твери произошли рабочие беспорядки, продолжавшиеся несколько часов и прекратившиеся лишь с прибытием войск. Около 10 часов утра, когда окончившие работу ткачи второй смены уходили от станков, уступая место первой смене, внезапно в главный ткацкий корпус ворвались с палками и чугунными обломками в руках человек двадцать молодых парней из первой смены, в том числе Петр Кириллов, Лаврентий Иванов Комелов, Алексей Васильев Губанов, Василий Филиппов (по прозванию Боровой), Иван Степанов Жаров, Андрей Николаев Быков, Дмитрий Федоров Молодов, Арсений Васильев Чижиков и Степан Алексеев Капустин. С криками «ура!», «выходи вон!» они стали рвать

Кроме этой суммы, имевшейся в собственном распоряжении московского миссионерского общества, государственным казначейством было употреблено на дело миссии 272.248 рублей. Средства других миссионерских обществ, различных братств и проч., число которых весьма значительно, в отчете Победоносцева не опубликованы. Далее. Православная церковь также располагает 26.683 библиотеками, находящимися при церквах и благочиннических округах, причем в 1899 г. вновь было учреждено 510 библиотек. И из этих-то тысяч библиотек широким потоком несется вся та смрадная литература «духовного» происхождения, которая так затемняет всякие проблески политической народной мысли и направлена все к той же цели — укрепления в народе веры в «царя-батюшку» со всеми его близкими и присными.

Кроме библиотечного дела «ведомство православного исповедания» занималось в 1899 г. широкой издательской и книгопродавческой деятельностью. Издательская комиссия при синодальном училищном совете выпустила в свет для обращения в народе различных книг более чем 3.000.000 экземпляров. Надо заметить, что в эту цифру совершенно не входят издания различных частных фирм поповского происхождения, как многотысячные «Троицкие Листки», издания различных братств, «Миссионерская» и «Приходская» библиотеки и проч. и проч. Книжным складом того же училищного совета в 1899 г. было отпущено различных книг 2.093.831 экз. на сумму 511.635 рублей. Распространение этих книг у православной церкви хорошо организовано. Почти в каждой епархии (в 57 из 61) она имеет свой центральный книжный склад, который и пускает книжки в дальнейшее обращение. Некоторые епархии имеют по несколько центральных книжных складов. Наконец, православная церковь в 1899 г. издавала 86 газет и журналов.

Духовенство в 1899 г. стремилось оказывать свое влияние на народ также посредством «религиозно-нравственных чтений», которые велись при 8.805 церковных школах. Всего чтений в этот год состоялось 132.563.

В руках православной церкви находится еще одно могучее реакционное орудие — это цензура книг. В ее распоряжение попадает все, что хоть сколько-нибудь касается вопросов религии, обрядов, таинств и проч. В России имеется два таких комитета: в Петербурге и в Москве. Всего в оба комитета за этот год поступило 3.112 названий, 2.814 из них дозволены к печати и 298 запрещены, т. е. более чем 10% всех поданных на рассмотрение произведений.

Чтобы еще более проникнуть в народ и приблизиться к нему, в православной церкви в последние годы заметно новое явление, отмеченное и в разбираемом нами отчете:

основы, бросаться челноками и выгонять рабочих из корпуса, нанося некоторым побои; при этом ткачиха Смирнова получила легкую рану в бровь, а Алексей Губанов, крикнув «останавливайте паровую!», разбил стекло в помещении паровой машины. Произошел общий переполох, машина была остановлена, и рабочие с женщинами впереди хлынули во двор, не слушая увещаний подмастерьев и табельщика, за ними вслед должны были удалиться, в виду угрожающих действий зачинщиков беспорядков, и служащие, так как Губанов бросил челноком в подмастерье Петра Монахова, Андрей Быков с кем-то из товарищей нанесли удары сторожам Петру Кузнецову и Степану Степанову, а Лаврентий Комелов ударил табельщика Михаила Зубынина, которого затем преследовали с криками «бей табельщика!» Комелов, Губанов, Петр Кириллов и Василий Филиппов.

Выйдя во двор, многие рабочие поспешили разойтись по фабричным казармам, так называемым спальням, и явившийся к ткацкому корпусу полицейский урядник Кетрарь застал на месте сравнительно небольшую толпу, человек около 200, но сильно возбужденную. Не дав ему никаких об'яснений, толпа беспорядочно кричала и бранилась, причем особенно выделялся Лаврентий Комелов. В этот момент подошел управляющий фабрикою, крестьянин Правдиков; отказавшись на предложение полицейского урядника поговорить с рабочими, он удалился в контору, помещавшуюся в конце главного корпуса, после чего из толпы послышались крики «бей!», «ура!», и в окна корпуса, а затем конторы полетели камни и поленья. Правдиков и ткацкий мастер Зотов поспешили скрыться, первый в подвал, второй на чердак; их примеру последовали остальные служащие — механик Мырсов, табельщик Зубынин, конторщик Балашов, приказчик по двору Архангельский и другие, а рабочие, овладев зданием, стали разрушать двери, окна, основы на станках и другое фабричное имущество, причем слышались крики, свидетельствовавшие о том, что толпа усиленно разыскивала управляющего и ткацкого мастера. В этот период бесчинства рабочих находившийся внутри здания полицейский урядник Кетрарь был ушиблен в руку брошенным со двора камнем. По удостоверению свидетелей, из поименованных выше зачинщиков беспорядков первыми приступили к разгрому ткацкого корпуса и конторы Лаврентий Комелов, Алексей Губанов, Василий Филиппов, Иван Жаров и Андрей Быков, к которым на этот раз присоединился, возбуждая буйствовавшую толпу и подталкивая ее к конторе, ткацкий подмастерье Александр Августинов Виноградов (по прозванию Лобода), а Дмитрий Молодов и Арсений Чижиков только выделялись наиболее деятельным участием.

Затем толпа, предводительствуемая Петром Кирилловым и теми же Комеловым и Губановым, отхлынула к казармам, в которых укрылись более спокойные рабочие, между прочим ткачи Василий Зудов и Иван Монахов (сын подмастерья). Переходя из одной казармы в другую, толпа выгнала всех рабочих во двор, принуждая их разными насилиями примкнуть к беспорядкам. При этом несколько молодых людей, в том числе Петр Кириллов, Лаврентий Комелов, Алексей Губанов, Василий Филиппов, Андрей Быков, Дмитрий Молодов, Арсений Чижиков и Степан Капустин, с ножами в руках и кольями, бегали по коридорам и спальным, грозя зарезать и крича: «Нам все равно пропадать, отсидим два месяца, а на своем поставим»; рабочим же, не пожелавшим присоединиться к толпе, были нанесены побои: так, ткача Зудова избили Комелов, Губанов, Быков, Молодов, Арсений Чижиков и Капустин, ткачиху Капустину побил Петр Кириллов, а заведующего казармами Федора Акинфиева Сухотина Петр Кириллов предлагал убить, но тому удалось скрыться вместе со сторожем спален Ковригиным. Тут, на фабричном дворе, у квартиры управляющего, толпе попались подмастерья Ефим Мочалов и Петр Монахов. Встреченный угрожающими криками, Мочалов успел убежать, Монахов же был окружен; с криком «бей» Алексей Губанов ударил его кулаком, другой удар доской по голове нанес Петр Кириллов, а затем его избили поленьями до беспамятства, причинив ему в области головы рану, оказавшуюся в судебно-медицинском отношении легкою. В числе бывших, кроме Губанова и Петра Кириллова, свидетель Иван Монахов заметил Лаврентия Комелова, Василия Филиппова и Ивана Жарова.

Постепенно возрастая, таким образом, в численном составе, принудив присоединиться и рабочих других производств, как, например, слесарей, образовавшееся скопище, никем не сдерживаемое, свободно двигалось с места на место, издавая крики и бесчинствуя, не только в пределах обширного фабричного двора, но и за ограду, к дальним казармам, так называемой «даче», и фабричное поселение, охраняемое в обычное время одним полицейским служителем Коробановым, который был в отлучке, находилось фактически в руках беспорядочной толпы. Нужно доба-

---

это—назначение на места псаломщиков, дьячков и даже дьяконов — лиц, получивших некоторое медицинское образование (равное фельдшерскому), и т. п. Эта мера очень хитрая. В настоящее время, благодаря все усиливающейся революционной пропаганде, духовное лицо, особенно в деревне, начинает терять свой престиж, как элемент, даже в глазах темных масс, не только не приносящий никакой существенной пользы, но, наоборот, исключительно занимающийся обирательством «живого и мертвого». Теперь пытаются это «духовное лицо» сделать необходимо нужным в жизни крестьянского обихода. При той огромной заболеваемости, которую мы наблюдаем повсеместно в населении России, дьякон-фельдшер, псаломщик — «брат милосердия», обладающие некоторыми медицинскими знаниями, будут в состоянии проникнуть в каждую крестьянскую семью, где только появится больной. Они будут желанными гостями в семье, даже явно враждебно настроенной к православной церкви.

Великий инквизитор Победоносцев начинает брать пример с своих западных собратьев-иезуитов, которые, как известно, всегда старались опираться на медицину, как на одно из наилучших средств для проникновения в самые замкнутые семейные очаги и для сближения с народом.

В настоящее время православная церковь также располагает при монастырях и церквах 231 больницей, имеющими 2.796 коек. Кроме того, в ее же ведении находятся 997 богаделен, где призревается 14.147 человек.

Необходимо здесь также отметить, что по всей России раскинута сеть так называемых «церковно-приходских попечительств», общее число которых достигает почтенной цифры: их 18.232. В 1899 г. они собрали на разные нужды церковного ведомства 3.891.601 рубль.

Для обеспечения бедных лиц исключительно духовного сословия православная церковь также располагает солидными средствами. Именно к 1 января 1900 года на приходе «попечительства о призрении бедных духовного звания» значилось всего 9.565.428 рублей.

IV.

Вот краткий перечень учреждений, лиц и капиталов, обрисовывающий более или менее ясно силу, деятельность и значение в жизни нашей страны полицейского сообщества, называемого «православной церковью». «Силы русского клерикализма», даже по этим официальным данным, как видим, весьма значительны. По всему своему положению в государстве духовенство православной церкви совершенно выступает из рамок храни-

вить, что, по показанию управляющего Правдикова, проверенному осмотром, имеющиеся в ограде фабричного двора трое ворот и калитки днем не запирались и почти не охранялись, каждое постороннее лицо беспрепятственно проникало на фабрику, даже более, по установившемуся обыкновению, через фабричный двор проходили для сокращения пути рабочие соседних фабрик. Это обстоятельство подтверждается, между прочим, тем, что, по водворении порядка, внутри фабричного двора оказался один рабочий с Морозовской мануфактуры (показание станового пристава Ливотова).

Вместе с увеличением толпы росло и возбуждение буйствующих. Возвратившись от казарм, они докончили погром ткацкого корпуса, в квартире управляющего повредили ограду полисадника, разбили двери и несколько окон; когда же в 12-м часу дня на фабрику явился фабричный инспектор Хмелев, а за ним становой пристав Ливотов, то толпа, возросшая до 700 мужчин и женщин, встретила их шумом, гиканьем и криками: «долой полицию», «вон администрацию», «мы сами будем писать законы» и т. п. Особенно неприязненно, по словам Ливотова, отнеслась толпа к фабричному инспектору, не пожелав даже об'ясняться с ним и послав по его адресу несколько угроз и иронических возгласов.

После неудачной попытки успокоить рабочих Хмелев и Ливотов должны были удалиться, а толпа снова осадила квартиру управляющего, куда к этому времени перебрались Правдиков, Хмелев и Кетрарь, но с помощью возчиков полицейскому уряднику удалось удержать напор толпы, ломившейся внутрь дома, и она устремилась на полицейского служителя Коробанова. Вернувшись из отлучки одновременно с приездом станового пристава и убедившись, что главные ворота заняты толпою, Коробанов предпочел проникнуть на фабрику через забор. У квартиры управляющего его задел, пробегая мимо, Василий Филиппов, крикнувший при этом: «Ребята, городовой хотел меня задержать, на городового, ура!». Едва успел Коробанов добежать до своей квартиры и запереться, как гнавшаяся за ним толпа с гиканьем разломала входную дверь, сорвала с крючка другую, внутреннюю, разрушила кладовую в сенях, разбила стекла в окнах и ворвалась в жилое помещение. Коробанов взлез на чердак, благодаря узкому проходу ему удалось отразить нападавших, из которых особенною настойчивостью отличались Василий Филиппов и подмастерье Александр Виноградов; тогда многие с криками «поджечь, убить» бросились на крышу, и Коробанов вынужден был произвести три выстрела из револьвера в воздух. Только после этого толпа отхлынула прочь, сначала к фабричной лавке, у которой разбила бочку с сельдями, затем к пекарне, где расхитила до 15 пудов хлеба, разбросала тесто и разбила часы.

По словам свидетеля, заведующего лавкой Забаева, самое деятельное участие в нападении на дом управляющего, лавку и пекарню принимали Петр Кириллов, Лаврентий Комелов, Алексей Губанов, Василий Филиппов и Иван Жаров. В отношении Комелова и Жарова это подтвердил наблюдавший сцену у лавки возчик Колесников, тот же Колесников, а также возчик Морозов и полицейский урядник Кетрарь удостоверили, что Комелов, ломясь вместе с другими в квартиру управляющего, рвал звонки.

В этот период беспорядков, когда буйство рабочих достигло наибольшего напряжения, в проходившего по двору станового пристава Ливотова Петр Кириллов бросил из толпы камень, чем причинил ему ушиб груди (показание Ливотова и ткача Юшкина), но вслед затем в 2½ часа дня на фабрику явились войска, при виде которых толпа рассеялась, и волнения прекратились...

... На предварительном следствии выяснилось затем, что описанные выше волнения произошли на почве общего недовольства, как заработною платою, так и действиями фабричной администрации и были вызваны, главным образом, побуждениями экономического характера. Помимо общей картины причиненных скопищем насилий, которые направлялись по преимуществу против фабричного имущества и отдельных лиц администрации, в этом убеждают результаты произведенного становым приставом Ливотовым дознания и те заявления, которыми встретила толпа фабричного инспектора, жалуясь на слишком низкий и произвольно уменьшаемый администрациею заработок, на непомерно высокие штрафы и недобросовестную приемку товара в конторе. Затем показаниями целого ряда свидетелей, как, например, механика Мырсова, заведующего казармами Сухотина, подмастерьев Монахова и Мочалова, ткачей Зудова, Ивана Монахова, Лукина, Шутова, Юшкина и друг., а также об'яснениями большинства обвиняемых установлено, что недовольство фабричными порядками, возникшее на первой неделе великого поста из-за

теля религиозных заветов, блюстителя «культа». Оно занимает в общественной жизни крупное политическое место, враждебное всем тем, кто в ниспровержении современного порядка видит единственный выход из охватившего страну промышленного и культурного застоя. Оплот всякой реакции, это хорошо организованное сословие, несомненно, выступит особенно сильно и энергично тогда, когда силы российской революции станут по всей линии лицом к лицу с силами российского самодержавия. Располагая множеством разнообразных средств, эти приверженцы русского царизма поведут тогда отчаянную контрреволюционную агитацию в стране, натравливая и возбуждая массы захолустного населения против революционных сил. Русская «Вандея»[5] будет, главным образом, руководима нашей клерикальной «партией», лидером которой является теперь царский докладчик, «ведомство православного исповедания».

И мы, социал-демократы, предвидя роль этого реакционного сословия в нашей борьбе за освобождение от тирании клики, именующейся «Романов и К-о», опирающейся на косность, невежество и традиции масс, должны теперь же приложить все усилия, чтобы раскрыть глаза этим массам насчет того, что представляет из себя эта многотысячная армия тунеядцев. Мы должны также обратить строгое внимание на огромную литературу, которую ревностно распространяют в народе агенты православной церкви, и постараться парализовать действие ее собственными соответствующими изданиями.

В недрах русского народа уже есть много элементов, — мы говорим здесь о миллионах сектантов и раскольников, — которые с радостью подхватят эту нашу литературу и разнесут ее по градам и весям земли русской. Нашей литературой мы должны помочь пролетарскому и полупролетарскому сектантству отбросить раз навсегда мистическую оболочку своего бессознательного недовольства существующим строем и встать на единственно правильный путь соц.-демокр. борьбы. В частности, требуя полного отделения церкви от государства, свободы собраний, печати и совести, мы создаем прочное убеждение о необходимости низведения православной церкви до роли частного общества приверженцев определенного культа.

[Вл. Бонч-Бруевич]

прогула в работе вследствие остановки паровой машины, сначала высказывалось немногими рабочими, но его поддерживала недостача основ, а дня за три до беспорядков оно приняло широкие размеры, когда была вывешена расценка на вновь вводимый сорт ткани, согласно которой кусок миткаля в 130 аршин увеличивался на семь аршин, между тем как к прежней плате, 67 коп., прибавлялась только одна коп. Ткань эту стали заправлять в станки накануне и в день беспорядков, известие же о предстоящем изменении расценки проникло в рабочую среду значительно ранее (показание Шутова). Как удостоверил Юшкин, на фабрике ходили слухи о готовившихся волнениях, «все рабочие были как-то особенно настроены», а 30 марта по поводу новой расценки Лаврентий Комелов в присутствии свидетеля Ивана Монахова открыто заявлял среди товарищей в бане, что «фабрика грабит рабочих и наживается на их счет». Эта новая расценка, по прямому признанию Алексея Губанова и Дмитрия Молодова, и послужила непосредственным поводом, вызвавшим событие 4 апреля.

Как сказано выше, наиболее деятельными участниками в произведенных толпою насилиях и буйстве были зачинщики беспорядков ткачи: Петр Кириллов, Лаврентий Комелов, Алексей Губанов, Василий Филиппов (по прозванию Боровой), Иван Жаров, Дмитрий Молодов, Андрей Быков, Арсений Чижиков и Степан Капустин, а также присоединившийся к ним подмастерье Александр Виноградов (по прозванию Лобода). Они же в разные моменты руководили преступными действиями скопища. Дальнейшим следствием было выяснено, что, кроме этих десяти лиц, участие в беспорядках принимали также следующие четырнадцать рабочих, все ткачи, за исключением последнего: Иван Егоров, Николай Константинов, Василий Сергеев, Арсений Михайлов, Павел Семенов, Иван Семенов Жирнов, Илья Прокофьев и Егор Ильин Чернов, которые были замечены табельщиком Зубыниным в числе выгонявших народ из ткацкого корпуса и отличались, по удостоверению полицейского урядника Кетрарь, особенным оживлением в буйствовавшей толпе; кроме того, Павел Семенов, принуждавший рабочих выходить из казарм, участвовал в разгроме корпуса; тот же Семенов вместе с другими наносил побои ткачу Зудову, а Арсений Михайлов, по словам свидетеля Дмитрия Лукина, руководил вместе с другими толпою, выгоняя рабочих из казарм. Затем Николай Кириллов и Петр Кириллов Ершов, бившие стекла в корпусе и ломавшие полисадник (показание Зубынина), причем конторщик Балашов заметил, что Николай Кириллов в числе первых приступил к разгрому корпуса и подстрекал толпу. Михаил Андреев, который при нападении на одну из казарм шел впереди толпы с колом в руке, и Андрей Васильев Галахин, замеченный в преследовании рабочих, уходивших с фабрики (показание заведующего казармами Сухотина). Тот же Галахин после окончания беспорядков жаловался унтер-офицеру гренадерского полка Горбатову на то, что преступным намерениям толпы помешало прибытие войск. Далее, Николай Васильев Комаров, который водил за собою толпу, бил стекла и вместе с Петром Кирилловым, бегая по спальням и грозя убить, выгонял во двор рабочих (показание служащего в фабричной лавке Изотова), а затем погнался с ножом за фабричным почтальоном Петром Матвеевым, сказав своему товарищу: «Давай и этого, он ездил за барином» (т. е. за фабричным инспектором). Наконец, четырнадцатый, слесарский ученик Николай Филиппов Смирнов, по удостоверению полицейского урядника Кетрарь, выделялся из толпы своим поведением и оборвал звонок в квартире управляющего, что подтвердил свидетель, возчик Колесников.

По пред'явлении вышепоименованным двадцати четырем лицам обвинения по 269[1] ст. Улож. о наказ., все они, не признавая себя виновными в непосредственном участии в беспорядках, а первые десять и в руководительстве толпою, ограничились однако голословным отрицанием приписываемых им преступных действий, за исключением одного Петра Кириллова, который сознался, впрочем, только в нанесении побоев Капустиной и подмастерью Монахову, об'яснив неприязнь свою к Монахову тем, что тот «кляузничал» на рабочих, за что последних и штрафовали напрасно. Некоторые из обвиняемых, Алексей Губанов, Павел Семенов и Егор Чернов, никаких об'яснений в свое оправдание не представили; другие, а именно Василий Филиппов, Иван Жаров, Андрей Быков, Арсений Михайлов и Василий Сергеев, совершенно отвергали присутствие свое в буйствовавшей толпе; по утверждению же остальных, присоединиться к толпе их принудили угрозами избить и побоями неизвестные им рабочие, зачинщики беспорядков. Николай Константинов об'яснил, что в числе зачинщиков были обвиняемые Петр Кириллов, Губанов, Комелов, Василий Филиппов, Жаров и Арсений Михайлов, а, по словам Ивана Егорова, особенно буянил, выгоняя народ из спален, обвиняемый Василий Филиппов.

На основании изложенного такие-то (следует список) обвиняются в том, что 4 апреля 1902 г. на фабрике торгового дома «Иван Залогин с сыном», близ гор. Твери, приняли участие в многочисленном публичном скопище рабочих, образовавшемся из экономических побуждений, с целью принудить фабричную администрацию к изменению некоторых условий производства и к возвышению заработной платы, каковое скопище, принудив других рабочих путем насилий и угроз прекратить работы, уничтожило и повредило часть принадлежащего фабрике имущества, а именно разбило стекла в 58 окнах разных помещений и в двух стеклянных перегородках, попортило или разрушило во многих окнах рамы, разбило шесть дверей, повредило основы на 68 ткацких станках, изломало разные предметы обстановки, вторгнувшись при этом в некоторые из помещений служащих, причинило легкие ушибы брошенными камнями исполнявшим обязанности службы чинам полиции, становому приставу Ливотову в грудь и полицейскому уряднику Кетрарь в руку и преследовало, с целью причинить насилие, полицейского служителя Коробанова, ворвавшись с угрозами убить и поджечь в занимаемое им жилое помещение, причем первые десять из перечисленных лиц в разные моменты руководили преступными действиями названного скопища, а из них Петр Кириллов, кроме того, нанес описанный выше удар камнем становому приставу.

Преступление это предусмотрено в отношении первых десяти лиц 3 ч. 269[1] ст. Улож. о наказ. и в отношении остальных первой частью той же статьи, вследствие чего и на основании 201[1] ст. Уст. угол. суд. Петр Кириллов и другие, всего в числе 24 человек, подлежат суду Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей. Составлен 30 мая 1902 г. в гор. Твери. Товарищ прокурора (подпись).

Определением Московской Судебной Палаты от 7 июня 1902 г. утвержден. Член Палаты Вульферт.

(Следует список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию.) С подлинным верно. За секретаря (подпись неразборчива). За помощника секретаря Н. Кропачев.

Из деятельности охранного отделения. Приводим полностью несколько «секретных» документов, которые, с одной стороны, показывают со всей желательной наглядностью еще и еще раз, «как они работают», — а с другой стороны, дают несколько небезынтересных, во многих отношениях, «именных списков»:

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по особому отделу.
6 сентября 1902 г.
№ 5600.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений и на все пограничные пункты.

У находящегося в служебной командировке в г. Вильне агента «летучего отряда» департамента полиции Федора Афанасьевича Крылова похищены 2-го сего сентября неизвестно кем на вокзале в г. Вильно удостоверение, выданное ему из деп. полиции от 28 марта 1901 г. за № 4877, и агентурная карточка с надписью: «служащий в Московском охранном отделении Федор Крылов». Сообщая о выше-

изложенном, деп. полиции имеет честь покорнейше просить подлежащие власти сделать распоряжение о розыске вышеупомянутых документов и, в случае пред'явления кем-либо таковых, арестовать и, приняв меры к установлению самоличности, телеграфировать в деп. полиции для получения дальнейших указаний.

Подписал: и. д. директора Лопухин. Скрепил: заведующий отделом Ратаев. Верно: помощник делопроизводителя В. Зайцев.

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по 5 дел.
20 июля 1902 г.
№ 10341.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам.

За последнее время в М. В. Д. поступают сообщения местных властей о том, что высылаемые из столиц и других некоторых местностей лица, переходя с проходными свидетельствами с места на место, являются распространителями разных волнующих крестьянское население слухов. Полиция, по своей малочисленности и обремененная другими обязанностями, является бессильною к установлению за такими лицами надлежащего наблюдения и к предотвращению их вредного влияния. В устранение подобного нежелательного положения департамент полиции признал соответственным, чтобы, при высылках подобных категорий лиц, применялся преимущественно этапный способ препровождения и чтобы высылаемый доставлялся таким способом не до ближайшего к месту его родины или приписки уездного города, а до самого конечного пункта высылки. Предоставление высылаемым самим избирать место высылки должно быть устранено, за исключением, конечно, тех случаев, когда удаляемый из данной лишь местности не лишен права избрания местожительства. На обязанности полиции, по месту высылки означенных лиц, должно лежать наблюдение, чтобы высылаемый не останавливался по пути следования в уездных городах, а был доставляем в конечный пункт этапом. В тех же редких случаях, когда пересылка означенных лиц с проходными свидетельствами не может быть устранена, в свидетельствах этих надлежит устанавливать наименьшие сроки передвижения. Об изложенном деп. полиции имеет честь сообщить Вашему Превосходительству, покорнейше прося не отказать преподать надлежащие раз'яснения по сему предмету подведомственным Вам чинам полиции. Подписал: и. д. директора Лопухин. Скрепил: делопроизводитель Лерхе. Верно: за делопроизводителя Курочкин.

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по особому отделу.
21 августа 1902 г.
№ 5350.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений и на все пограничные пункты.

Привлеченные в качестве обвиняемых при киевском губернском жандармском управлении по обвинению в государственных преступлениях нижеследующие лица 18 сего августа бежали из киевского тюремного замка [6] (следует одиннадцать известных фамилий, при каждом указаны приметы, все родственники и их местожительство, революционное прошлое и наказание, по какому делу привлекались; у некоторых, сверх того, клички, а именно: Басовский — кличка Дементьев, Бауман — Грач, Гальперин — Лошадь, Крохмаль — Старичок и Красавец, Тарсис — Смуглый). Принимая во внимание, что названные лица являются наиболее видными представителями революционного движения, департамент полиции имеет честь покорнейше просить подлежащие власти принять все зависящие меры к розыску вышеупомянутых лиц и в случае обнаружения подвергнуть обыску, арестовать и препроводить под надежным конвоем в распоряжение начальника киевского губернского жандармского управления, телеграфировав о сем департаменту.

Подписал: и. д. директора Лопухин. Скрепил: заведующий отделом Ратаев.

Приложение к тому же циркуляру.

1. Бергер, Ипполит-Болеслав Станиславов — препроводить в распоряжение иркутского генерал-губернатора; 2. Гордон, Перля Иосифовна (скрылась из Кишинева) — подчинить особому надзору; 3. Гурвич, Евгения Ариевна (скрылась из Верхоленск. уезда) — препроводить в распоряжение иркутского генерал-губернатора. (О каждом точные сведения, о родственниках, революционном прошлом, приметы). Подписал Ратаев.

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по особому отделу.
1 декабря 1902 г.
№ 7777.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений на все пограничные пункты и начальникам розыскных отделений.

... Ныне установлено, что помещенный в циркуляре от 1 сентября 1902 г. за № 5530 Иван Михайлов Смирнов... (подробная биография)... по полученным сведениям, помещенный в циркуляре от 1 октября 1902 г. за № 6200 дусятский мещанин Мендель Мовшев Левиницейн имеют следующие приметы... Вместе с сим департамент покорнейше просит подлежащие власти принять меры к выяснению местожительства возвратившейся из-за границы жены губернского секретаря Анны Ильиной Елизаровой, урожденной Ульяновой, и, по обнаружении оного, подчинить Елизарову негласному надзору полиции, установив за деятельностью ее и сношениями тщательное секретное наблюдение, уведомив о сем департамент полиции.

Подписал: Лопухин. Скрепил: Пешков.

Список № 1 (лиц, подлежащих розыску по делам политическим):

1. Ажтрей, он же Цехонович, Филипп Иванов, 2. Аксельрод, Нохим Лейба Уоселев, 3. Арефьев, Николай Севастьянов, 4. Беляков, Ефим Михайлов, 5. Беркович, Тойба Симонов, 6. Биндер, Фейга-Ривка Аронова, 7. Бобровицкий, Генох-Вольф Ицков, 8. Бусевич, Николай Павлов, 9. Бульбейнус Файвушев, 10. Воксшон, Ида Ельева-Тонова, 11. Вонновский, Виктор Алексеев, 12. Бассерман, Мейер-Фолев, 13. Величкин, Николай Михайлов, 14. Венгеров, Марк Моисеев, 15. Гарберович, Ицик Тевелев, 16. Герцкин, Лейзер-Кусилиев, 17. Гехтер, Лейба Овзеров Пинхусов, 18. Гржегоржевский, Станислав Францев, 19. Гурвич, урожд. Кожевникова, Вера Васильевна, по первому мужу Розенкампф, 20. Дотунов, Сергей Осипов, 21. Дзенциоловский, Антон Викентьев, 22. Диамент, Шмуль-Герш Моеров Уршнов, 23. Доливо-Добровольский, Александр Петров, 24. Домбровский, Осип Петров, 25. Эткин, Мовша Мордухов, 26. Этштейн, Гершка Аврумов Мовшев, 27. Жоховский, Михаил Юлианов, 28. Закс Лифляндер, Песя-Цея Шмулева, 29. Зеликсон, Цивия Шмуйлова, 30. Зильблят, Израиль-Альтер Саулов, 31. Иоффе, Гдалий-Янкель Шоломов, 32. Калашникова, Вера Иванова, 33. Кацман, Мордух Мееров, 34. Кац, Хаим-Янкель Шулимов, 35. Киршенбаум, Хонов Шаев (прозв. Нюнька и Нюня), 36. Клан, Кауфман Янкелев, 37. Конюшевский, Абрам Симонов, 38. Копылов, Константин Николаев, 39. Кузнецов, Егор Сергеев, 40. Кушнир, Овсей-Дувид-Сруль Гершев, 41. Лапидо, Мовша Шмуилов, 42. Лапина, Эстер-Лея Менделева, 43. Лауринайтис, Иван Осипов, 44. Лауринайтис, Осип Осипов, 45. Либуркин, Залман-Ицек Абрамов, 46. Марголин, Берка Абрамов, 47. Надельберг, Гирш Неухов, 48. Накоряков, Николай Никандров, 49. Нахманберг, Хаим Берелев, 50. Новосельский, Сруль Гешелев, 51. Панков, Иван Петров, 52. Петин, Константин Федоров, 53. Пилина, Сара Янкелева, 54. Поздняков, Петр Федоров, 55. Попов, Николай Евграфов, 56. Пясечный, Лейзер

Шмулев, 57. Пясечный, он же Пясечкий, Носко Шмулев, 58. Радус-Зенькович, Виктор Алексеев, 59. Радченко, Иван Иванов, 60. Резанов, Михаил Михайлов, 61. Розенблюм, урожд. Резник, Розалия Леонтьева, 62. Рояк, Гирша-Шоломов Менделев, 63. Рудаков, Берко-Волько Давыдов, 64. Рутман, Вульф Мошков, 65. Сапожникова, Софья Абрамовна, 66. Сендерович, Мордух Иосифов, 67. Слободкер, Давид Ицков, 68. Слово, Шевель-Зелик, 69. Соловей, Мовша Хацкелев, 70. Струнин, Соломон-Шолом Моисеев, 71. Тихомиров, Григорий Сергеев, 72. Третьяков, Димитрий Павлов, 73. Трофимов, Семен Федоров, 74. Улеоньский, Эдуард (викарный ксендз), 75. Фиалко, Насон, Мовшев-Гершев, 76. Финкельштейн, Зелик Уоселев, 77. Хур, Шмуль Кельманов, 78. Шейн, Абрам-Давид Самсонов, 79. Шнейдер, Сура-Бейля Давидова, 80. Шухмон, Фрейда Гершева, 81. Юдицкий, Арон Львов.

Подписал за заведующего отд. Пешков.

Список № 2 лиц, розыск которых подлежит прекращению:

2. Басман, Уосель Залман Шнееров-Шмурков, мещанин г. Ново-Александровска. В дальнейшем розыске надобности не представляется. 12. Эренбург, Абрам-Зельман, ковенский мещанин; причина та же. 24. Меллер, Гдалий Мовшев, ворнянский мещанин; причина та же. 29. Овсеевич, Самуил Шохнов, сморгоньский мещанин; по той же причине. 34. Розенблюм, урожд. Бурштейн, Элька Лейбова, борисовская мещанка; причина та же. За завед. отд. Пешков.

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по особому отделу.
1 августа 1902 г.
№ 5000.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений, на все пограничные пункты и начальникам розыскных отделений.

... В виду полученных указаний, что некий или некая Нейгольдберг 30 июня 1902 г. выбыл из Берлина в Россию с транспортом нелегальной литературы, департамент покорнейше просит принять меры к выяснению личности Нейгольдберг «из Берлина» и, в случае обнаружения местожительства, установить за деятельностью и сношениями совершенно секретное наблюдение, уведомив о сем департамент. Подписал за вице-директора Ратаев. Скрепил за завед. отд. Пешков.

Приложение к тому же циркуляру. Розыск:

1. Беренштейн, Самуил, подлежит привлечению в качестве обвиняемого при московском губернском жандармском управлении к дознанию по делу «о партийном с'езде в г. Белостоке». 2. Биоде, Генрих-Людовик-Альфред, привлечен при Спб. жандармском управлении к дознанию по делу эмигранта Николая Паули. 3. Гельцер, Ицка Янкелев. 4. Горовиц, Исай Израилев. 5. Желудская, Мерка Абрамова. 6. Лалаянц, Ис. Хр. 7. Понц, Ревекка Уоселева ... подлежит к привлечению к дознанию в качестве обвиняемой при Моск. жанд. упр., по делу о «партийном с'езде в Белостоке». 8. Сукенников, Моисей Александров ... стал издавать брошюры революционного характера. Состоявшие под негласным надзором полиции и проживавшие в г. Иркутске сын купца Марк Андреев Натансон и жена его Варвара Ивановна в июне 1902 г. выехали в Европейскую Россию. Принимая во внимание, что Натансон поддерживал близкие сношения с лицами, занимающимися активной деятельностью, департамент полиции имеет честь покорнейше просить принять меры к розыску местожительства названного Натансона и, в случае обнаружения, установить неотступное совершенно секретное наблюдение, уведомив о сем департамент полиции для получения дальнейших указаний.

Из черты оседлости. Как ни была тяжела жизнь русского еврея доныне, теперь она сделалась прямо невыносимой и беспросветной. Кишиневские события тучей нависли над еврейской жизнью: они леденят кровь в жилах и ввергают в ужас. Кроме постоянной, безысходной борьбы за существование, понятие о которой может иметь только еврей, появился еще более ужасный призрак — призрак погрома. Еврей не уверен в завтрашнем дне. Кто поручится, что не сегодня, так завтра, по почину какого-нибудь Крушевана и под покровительством правительства, не разгорятся зверские инстинкты черни и ему через час-другой не отпилят рук или не вобьют гвоздей в ноздри? Никто не может поручиться в этом, ибо против еврея здесь все: и чернь, невежественная и дикая, и большая часть русского общества, с удовольствием подбирающая «жидовское добро», и полиция, избивающая евреев, защищающихся от черни. Еврей ни на минуту не может забыть об этом, так как ежеминутно напоминают ему об этом. Один мужик бьет за что-то на улице другого мужика. Последний кричит: «Как смеешь бить меня? Что я — жид, что ли, что за меня штрафу не будет?» По улице шатается пьяный мужик и, увидя проходящих мимо евреев, кричит: «Жидов уничтожить надо, потому царь их не хочет».

Народ смотрит на еврея как на бесправное существо, которое можно безнаказанно уничтожить. Не только простой народ, но даже и более высшие слои общества придерживаются приблизительно подобного взгляда. Был, напр., такой случай. В г. Новозыбкове (Черниг. губ.) живет доктор-еврей Козенцов, ничего общего с евреями до сих пор не имевший. Он был в хороших отношениях с кн. Долгоруковым. После того как стали известны кишиневские события, г. Козенцов встречается с князем и спрашивает его, между прочим, каков его взгляд на кишиневский погром. — Что же, и здесь тоже произойдет то, что в Кишеневе, — отвечает князь. — Нет, — возражает г. Козенцов, — здесь этого не получится. — Почему? — Да потому, что здесь евреи не глупы: они не станут погибать, как бараны. Стоит им организовать вооруженное сопротивление и подстрелить несколько погромщиков, и никакого погрома не будет. — После этого разговора кн. Долгоруков донес местному прокурору на д-ра Козенцова, как на организатора кружка вооруженного сопротивления. Чем окончилось это дело, нам неизвестно, но этот факт свидетельствует о том, что на еврея у нас смотрят как на существо, лишенное даже права самозащиты.

Еврейское общество и раньше с возмущением и ненавистью относилось к евреям-революционерам, теперь же, после кишиневского погрома, оно увидело в них корень всякого зла и решило с ними бороться. Во многих городах евреи на свои собственные средства учредили штат шпионов, на которых лежит обязанность выслеживать еврейских революционеров и доносить на них по начальству. Замечательный случай произошел в м. Ветке, близ Гомеля *. Туда прибыл гомельский исправник, собрал ветковских евреев в синагогу и, взошедши на амвон, обратился к ним со следующими словами: — Где я? кто меня окружает? евреи? Но почему же я вижу вокруг себя бритые харя? В прежнее время, я помню, евреи носили длинные пейсы, ходили в ермолках и носили лапсердаки. То были настоящие евреи, они были смирны и покорны, верили в бога и любили царя ... — Тут начал он громить евреев за то, что они бунтуют против царя и предержащих властей, за то, что они разбрасывают прокламации и подстрекают рабочих к беспорядкам и т. д. Речь его длилась около часа и произвела такое сильное впечатление на присутствовавших, что некоторые старики даже плакали **. В заключение он сказал, что если ветковские евреи хотят загладить свою вину перед правительством, то пусть они тут же дадут ему, исправнику, список неблагонадежных лиц м. Ветки. Евреи охотно исполнили это скромное желание «начальника». Спустя несколько дней после этой речи один еврейский водовоз привез к исправнику своего мальчугана свя-

---

* В ночь с 17 на 18 апреля.

** В то самое время, когда исправник держал свою знаменательную речь, у него под носом, за стенами синагоги, разбрасывали первомайские прокламации!

занным по рукам и ногам и передал его в руки полицейского администратора как «социалиста». Исправник поблагодарил водовоза за такое гражданское мужество и сказал: — После такого поступка я переменяю к лучшему свое мнение о евреях; я убеждаюсь, что с евреями еще можно ладить.

В Белой-Церкви (Киевск. губ.) после кишиневского погрома евреи устроили сходку в синагоге и стали рассуждать о том, кто виноват в погроме? После долгих прений они пришли к заключению, что во всем виноваты «демократы», а так как главными «демократами», по их мнению, являются экстерны * (?!), то следует всячески их преследовать. В виде первого шага в этом направлении они решили отказать всем экстернам в уроках. Но экстерны, узнавши об этом, предупредили их и первые отказались от своих уроков.

Что кишиневский погром есть дело русского правительства, об этом уж так много говорили и это так ясно, что не подлежит никакому сомнению. Правительство хотело наказать евреев за ту выдающуюся роль, которую они играют в русском революционном движении, и внести смятение в сердца еврейских революционеров. Но как глупы и бессмысленны (не говоря уже про жестокость) те приемы самозащиты, которые практикует правительство в страхе перед надвигающейся революцией! Учиняя еврейский погром, правительство еще в большей степени озлобляет своих врагов и настойчивее толкает их на революционный путь. После кишиневских событий революционное настроение среди евреев усиливается. Молодые люди, до сих пор имевшие мало общего с какой-либо общественной деятельностью, составляют тайные кружки, изучают еврейские общественные течения, готовятся к работе, к борьбе. С каждым днем назревают все новые и новые силы... В этом виновато само правительство, которое своим поведением само роет себе могилу. Прежде евреев принимали в высшие учебные заведения в количестве 10 и 5%, теперь же это число уменьшили до 3 и 2%. Нынче даже медалистам, и тем не всем удается поступить в высшие учебные заведения; к тому же начальство средних учебных заведений весьма неохотно выдает евреям медали и старается доводить число еврейских медалистов до минимума. Молодым же людям и девушкам, окончившим среднее учебное заведение без медали, трудно попасть в высшее учебное заведение, а экстернам — почти невозможно. Вся эта отверженная еврейская молодежь, остановившаяся на полудороге, естественным образом увеличивает ряды еврейских революционеров. Русское правительство само роет себе могилу... После кишиневской резни, перед которой дрогнул весь цивилизованный мир, жизнь в России сделалась для евреев каторгой. Нам остается один путь — революционный, нам остается один исход из нашего положения — в союзе с остальными русскими революционерами уничтожить русское самодержавие. Давайте же работать, товарищи!

Еврей.

Гомель, Могилевской губ., 1 июля 1903 г.

Либава, 17 августа. Уже на самом вокзале меня поразило обилие жандармских унтеров, зорко осматривающих пассажиров, а также шпиков, нахально устремляющих свои взоры на приезжающих и их багаж. В'езжая в город, я увидел по дороге ряд столбов, украшенных гирляндами из хвои и венками, а также строящийся на берегу гавани павильон. Спутники мои по конке, немки, с удивлением посматривали на эти затеи и восхищались их красотой; одно их печалило — это плохая, дождливая погода, которая продолжается уже неделю. Из разговоров я узнал, что все это приготовляется для встречи царя, который решил осчастливить город своим присутствием. Ожидают его здесь в среду или в четверг. Пока же идет горячка по организации встречи и охраны «священной особы». Полиция вся в суматохе: шутка ли сказать, такое событие, а тут еще на-днях «внутренние враги» — латышские социал-демократы — распространили прокламацию по поводу приезда царя. Жмутся интеллигентные работники, ожидая повальных обысков, и кто может, тот покидает город на время празднеств. Уезжая, я на вокзале также встретил спешные приготовления к встрече. Красилась крыша, драппировался вход. По дороге мы встречали целые поезда с солдатами, жандармами и сыщиками. Солдаты в простых товарных вагонах пили чай из кружек и шутили, что отправляются на войну. Офицеры подкреплялись в буфетах и разговаривали о том, как бы миновать на первых порах встречи с Куропаткиным, который должен был также сегодня приехать в Либаву. По милости всех этих «личностей» поезда приходят с опозданием на час и более. Всюду только и разговоры, что о посещении царем Либавы. Спутник мой, вначале хладнокровно об'яснявший мне, что без солдат и жандармов нельзя обойтись в таких случаях, ибо это нужно для «охраны» — всякие есть люди: честные и нечестные, потом при виде все встречающихся поездов с солдатами и прочими «охранными элементами», не выдержал и начал изумляться изобилию «охраны». В газетах, как местных, так и иногородних, ни слова не упоминается об этом «событии». Боится, повидимому, начальство какого-нибудь фортеля со стороны «неблагонадежных элементов». Вспомнилось мне при этом аналогичное же событие: приезд Вильгельма в один из южно-германских городов. Несмотря на то, что реакционные газеты помещали уже за две недели длинные столбцы, трактующие об этом, в знаменательный момент ничто не указывало, что здесь происходит нечто сверх-ординарное. Город был жиденько расцвечен флагами; жители же занимались своим обычным делом, предоставляя своему «начальству» принимать короля.

Еще о зверстве в тюрьмах. Бакинский Комитет Партии обратился с прокламацией к гражданам (от 12 августа сего года) по поводу тюремных зверств. Перепечатываем приведенное в листке письмо товарища.

«Товарищи наши помещаются в такой ужасной тесноте, что ночью весь пол покрыт спящими телами, и пройти, не наступив на кого-нибудь, невозможно. Духота получается ужасная, и вместо сна товарищи наши всю ночь мечутся в каком-то кошмаре. Лежат прямо на полу, т. к. ни постели, ни кроватей или хотя бы нар в тюрьме нет, даже тюфяков, набитых соломой, не дают. Нас, как животных в конюшне, заставляют валяться прямо на грязном полу. Все тюремные правила попираются ногами тем самым начальством, которое должно следить за их выполнением. Далее, в камерах нет ни столов ни табуреток, есть приходится на том же грязном полу. Вдобавок ко всему, во главе тюрьмы, в качестве смотрителя, стоит нравственно развращенный негодяй Громада *. Для него нет закона, а законом должны служить его подлые фантазии. Без всяких об'яснений он отнял у заключенных право курить табак, хотя до 26 июля курили свободно, да и в других тюрьмах политические пользуются правом курения табаку. При об'яснении с ним по этому поводу он заявил: «будь на то моя воля, я отнял бы от вас не только табак, но и хлеб». Негодяй-изверг, смотритель, сегодня в 11 час. дня, 4 августа, отправляя этап наших товарищей, 19 чел. тифлисских, следующих в ссылку, запер их во дворе мастерской тюрьмы, на пространстве нескольких кв. саж. под конвоем 45 чел. солдат, там их истязали прикладами ружей звери-солдаты, под командой палача-смотрителя; двух ранили штыками, надели кандалы на них, хотя в открытом листе категорически сказано, что они должны сопровождаться без оков. За то, что они протестовали законно против оков, их истязали, поранили и закованных и окровавленных поволокли в дорогу.

---

* Лица, готовящиеся к экзамену на аттестат зрелости средне-учебных заведений.

* Говорят, что этот негодяй замучил истязаниями свою первую жену и был осужден за это на восемь лет каторги. Известно, как у нас милуют негодяев. Помиловали и этого кандидата в палачи и отдали в его бесконтрольное распоряжение заключенных, не могущих свободно бороться в тюрьме. Этот запятнанный позорным преступлением негодяй держит себя в тюрьме, как маленький самодержец и сатрап.

Товарищи! вы видите, у нас осталась одна надежда на открытую борьбу с тюремными безобразиями! На-днях ночью похитили нашего товарища по заключению, Хундадзе, и мы не знаем, куда его дели. Предайте гласности все возмутительные порядки и поддержите нас в нашей борьбе за человеческое обращение и человеческое достоинство. Мы об'являем голодовку, об'являем борьбу на жизнь или смерть. Наши требования следующие: 1) Не высылать внезапно, а давать возможность перед высылкою проститься с родными и запастись платьем и бельем. 2) Дать постельные принадлежности, тахты или кровати. 3) Число арестантов в камерах должно соответствовать помещению, согласно определению врачей. 4) Разрешить курение. 5) На случай расстройства желудка выпускать в клозет и после поверки. 6) Ввести железные парашки. 7) Не сажать в темный карцер и вообще не применять взысканий без предписаний прокурора. 8) Заявления арестованных о желании лично об'ясниться с высшим начальством должны смотрителем передаваться начальству немедленно. 9) В случае болезни немедленно вызывать к больному фельдшера и ночью. 10) Поставить в обязанность смотрителю и надзирателям не бить арестантов и не ругать их площадной бранью. Голодовка продолжалась один день, так как администрация решила удовлетворить главные требования.

«P. S. Взяточничество и всевозможных родов обирательство практикуется в тюрьме в самых широких размерах. Взяв себе в помощники такого же негодяя, бывшего полицейского, Ибрагим-бек Абдуллаева (он присужден к нескольким годам арестантских рот и таким образом отбывает наказание), смотритель вместе с ним терроризует и грабит арестантов. За лист бумаги для прошений, наприм., которую заставляют покупать в конторе, берут от двух до пяти коп. За написание прошения, где хоть слегка указывается на неправильность действий тюремщиков, смотритель сажает на семь суток в тюремный карцер, предварительно изувечив арестанта. Табак, воспрещенный в тюрьме, продается негодяем-помощником открыто, причем за одну восьмую фунта махорки в четыре коп. берет 20 коп. Этот же достойный сотрудник негодяя-смотрителя приносит в тюрьму ножи; недавно обыкновенный финский нож был продан им за пять рублей. И все эти наглые беззакония делаются открыто и безнаказанно!».

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Козачье, Херсонской губ., имение Князя Трубецкого. Имение огромное — 33 тысячи десятин земли. Наем рабочих производится посрочно — от Троицы до Покрова и на год. В первом случае мужчины получают за весь рабочий период 45—50 руб., женщины 30—35 рублей; нанимающиеся на год: мужчины — 65—70 р., женщины — 50—55 р. Рабочих часов в сутки — 21 с получасовым перерывом на завтрак и 1 часом на обед. Кормят рабочих безобразно — хлеб ржаной пополам с отрубями; о горячей пище и говорить невозможно. Это какая-то отвратительная мешанина. Трудно представить всю возмутительность господствующих здесь порядков: во время сбора винограда рабочим одевают намордники из редкой парусины, приделанные к деревянным планочкам. Планочки сделаны по выкату затылка и привязываются одна к другой веревочкой. Когда захочешь пить, подходишь к приказчику, тот развязывает завязки, а затем, когда рабочий напился, завязывает вновь. Управляющий Шмидт издевается над рабочими. Перетянет нагайкой, даст пощечину за что ему вздумается. Наезжие рабочие не выдерживают срока и уходят, и заработная плата пропадает, а если кто-либо из них попробует требовать расчета, ему грозят полицией. «Ты еще в тюрьме сидеть будешь, ты мне народ бунтуешь!» и рабочий уходит. У рабочих, которые снимают у князя землю, если они бросают работу, отнимают землю, и живи тогда, как знаешь. За десятину земли князю платят 13—14 руб.

Очевидец-рабочий.

Письмо крестьянина. (Приводим, с небольшим сокращением, письмо крестьянина .... ого уезда к интеллигенту, дававшему в деревне литературу; работа велась три месяца.)

Милостивейший Государь! Мы с нетерпением ежедневно ожидаем от вас радостного собеседования про нашу горькую и тяжкую жизнь, но никак не может дождаться соединенная наша партия, вот я один решился послать до вас письмо и покорнейше прошу вас, чтобы вы возрадовали нас ответом вашим или письмом, которым мы могли бы узнать наши важные дела. Мы, находившись между своими крестьянами, старались восставать против тяжелых наших иг; как нам известно, каждый крестьянин склоняется чувствием к нашим хорошим делам, каждый из нас знает тяжелую свою житейскую бытность, но не знает крестьянин, как бы освободиться от такого горя, но сейчас слава богу начали познавать правильность, за которую, как и за вас, мы — комитет готовы положить свою жизнь. Мы все — наш комитет: я, Н., М., С. и прочие, которые вам известны, согласны, но остальные народы ни кто об вас не знает и никогда знать не будет, потому что не могим вам и написать, как вас уважаем, наверное господь вас послал к нам в наш Запад. Затем покорнейше просим вас, господин Х., не оставьте нашей просьбы и вышлите как-нибудь, когда можно, нам книжечек, которые мы могли бы читать своим товарищам крестьянам, потому что мы эти книжечки уже прочитали по нескольку раз своим товарищам прочих деревень, которые приходят праздничным днем, и мы уходим в утаенное место куда-нибудь и читаем книжки и листки, и в каждый праздник народного прибытия все больше и больше.

Прошу, милостивый государь Х., не погасите наше социальное распространение, и мы будем соединяться в одну группу. До свидания, остаюсь противостанником правительства земли русской.

С-н.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Быстро растет число финляндских политических изгнанников, вынужденных царскими опричниками покинуть родину и поселиться на чужбине. За последние две недели из Финляндии высланы следующие граждане: председатель гласных г. Экнеса, преподаватель учительской семинарии г. Линден, нотариус вазасского гофгерихта барон фон-Троиль, исп. д. бургомистра г. Каске Аминов, бывший сенатор А. Нюберг, заслуженный пастор Улеаборга Валлин, бывший сеймовый депутат Авлин. Помещику Христиерсону, находящемуся в Норвегии, запрещено возвращение в Финляндию. Читатели, наверно, уже раньше обратили внимание на социальное положение изгнанников: это все лица с видным общественным положением, представители крупной буржуазии, аграрной аристократии и даже высшей администрации, т. е. люди тех общественных классов, слугой которых в России является царизм. В Финляндии то же самое правительство является врагом «господ» и прикидывается пока «другом» народа; но этой дружбе, к счастью, доверяют лишь самые жалкие в умственном отношении пролетарии, тогда как не только все сознательные рабочие, но и часть крестьян понимает уже «благодеяния» Николая II. Старо-фенноманская партия [7] является представительницей реакционной демократии, т. е. мелкой буржуазии, зажиточного крестьянства и духовенства. Но нет правила без исключения: несколько пасторов до конца остались верными финляндской конституции, еще два года назад очень почтенная часть их отказалась, несмотря на всевозможное давление со стороны недальновидных

епископов и, в особенности, старого интригана архиепископа Иогансона, обнародовать в кирхах «закон» г. Куропаткина. Г. Валлин принадлежит к числу немногих, к сожалению, пасторов, претерпевших до конца, и вот он причисляется к «агитаторам», «членам кагала» и т. п. Другого пастора, Топполу, арестовали 19 июля (н. с.) в деревне, и полицейские с жандармами привезли его в Выборг, где его продержали в тюрьме двое суток и выпустили лишь по настоянию епископа, сославшегося на привилегии духовенства. Обращались с ним грубо, как с прочими «политическими»; его подвергали жандармским допросам, которые не увенчались успехом. Высылка из Финляндии ректора улеаборгского лицея Розендаля (см. № 45), законоучителя и одного из руководителей особой народной секты пиетистов*: в Эстерботнии вызвала неудовольствие среди широких слоев народа. Перед от'ездом его посетило несколько крестьянских депутаций. Пасторы тоже отправили к нему депутацию с советом «покаяться», т. е. перейти в лагерь старо-фенноманов, и с обещанием в таком случае добиться «прощения». Г. Розендаль, председательствовавший на ноябрьском с'езде оппозиционной партии в Гельсингфорсе (см. № 33), разумеется, отклонил это подлое предложение и отправился в изгнание.

Недавно царь запретил выдавать пожизненную пенсию бывшему сенатору Л. Гриппенбергу, высланному в мае. Не правда ли, опричники ведут очень выгодную экономическую политику: средства, украденные ими таким образом, пригодятся на сыщиков и шпионов, которыми теперь буквально наводняются все уголки Финляндии. Высылка высокопоставленных финляндских чиновников — дело, выгодное для Бобрикова и прочей братии. При последних обысках палачи начали заставлять раздеваться, словом, все усовершенствования азиатской жандармско-полицейской техники они спешат перенести на финляндскую почву. Они, видно, также распространители цивилизации и культуры, культуры застенка! Тоже культуртрегеры!!

«Фин. Газета» благоразумно хранит гробовое молчание о всех высылках после первых семи, а потому и наша подцензурная либеральная печать, раболепски перепечатывающая «сообщения» и «статьи» органа Бобрикова, ничего не сообщает о дальнейших подвигах сатрапа и его помощников. Зато мы будем внимательно следить за всеми высылками, протестовать против этого грубого насилия и заставим, наконец, царское правительство заговорить о них. «Фин. Газета» уже давно вопит о «революционном комитете», «революционной партии» и т. п., но до сих пор, как известно читателю из наших статей, в Финляндии существовала лишь оппозиционная партия. Списки высылаемых красноречиво подтверждают это положение. Неужели бывшие сенаторы, крупные землевладельцы, фабриканты, купцы, бургомистры и друг. когда-либо бывали революционерами?? Но высылки, как и другие насилия, действительно, скоро вызовут в Финляндии революционеров; они заставляют истинных граждан заботиться об искоренении монархического духа среди финского народа, еще так недавно гордившегося своей преданностью монарху, основным законам и отечеству. Первое звено должно выпасть из этой триады. Подобную мысль уже начинает высказывать финляндская умеренная «нелегальная» печать.

Недавно сообщалось «официально», что царь оставил «без последствий» заявление барона фон-Борна о незаконности его высылки и его прошение о предании его финляндскому законному суду. Подобный протест подал и граф Маннергейм.

В каждой статье нам приходится говорить о преступлениях новой полиции в Финляндии. По приказанию клятвопреступника, ежегодно по новому штату отпускается на гельсингфорскую полицию 693.120 мар., вместо прежней суммы в 375.650 м.; из городских средств идет на это «славное учреждение» 198.034 мар. вместо 125.217 мар. Число городовых увеличено с 187 до 341, причем каждый городовой приходится на 293 жителя, тогда как нормальным считается за границей и даже в некоторых местностях России 1 городовой на 500 жителей. О других усилениях полиции мы не будем говорить, да и кто мог бы точно вычислить всех сыщиков, провокаторов, шпионов и жандармов, подвизающихся теперь во славу самодержавия в Финляндии? Недавно в финляндских газетах сообщался любопытный эпизод с двумя изящными барышнями, желавшими ехать даром на трамвае; они, оказалось, имели на это право, так как состоят на службе в сыскной полиции. Это кажется всем финляндцам чем-то совершенно неслыханным, и действительно, в Финляндии никогда ничего подобного не бывало. Масса специальных сыщиков посещает рестораны, ездит по железной дороге, снует по постоялым дворам и пр. В числе финляндских сыщиков видную роль играют «русские уроженцы», живущие с детства в Финляндии.

На-днях Кайгородов издал «обязательное постановление», произвольно исключающее из ведения суда дела с гостиницами и ресторанами. Он приказывает всем подобным заведениям давать приют, кушанье и питье всем желающим; он требует также, чтобы все заведения, дающие ночлег, записывали в особых книгах и на доске имена приезжих, чтобы полиция могла вести контроль. В селах и маленьких городах никогда до сих пор не было и речи о чем-либо подобном, так как в Финляндии царила во всех отношениях полнейшая свобода. «Провинившимся» помпадур грозит штрафом до 400 мар.

С августа (нов. ст.) заграничные паспорта выдаются лишь в губернских управлениях, тогда как до сих пор они получались очень легко и просто через бургомистров и др. Словом, во всем сказывается новый режим.

Три финляндских помпадура стараются ни в чем не отстать от своих русских коллег. Куопиоский губернатор Берг заставил аптекаря уволить провизора «за агитацию» по воинскому вопросу; далее он приказал арестовать одного управляющего имением за то же «преступление», но полиция пока не могла разыскать последнего. Абоский помпадур Ланг произвел несколько подобных арестов; между прочим, он, лишь по подозрению, продержал неделю в тюрьме видного представителя фин. рабочей партии Г. Тайнио. Лето Бобриков «отдыхает» в своем имении в России, но за него, как видим, старается его доблестный помощник Дейтрих, энергично высылающий лучших граждан. Он пытается заслужить лишний крестик «за усердие» на чаек.

* Пиетисты отличаются особой набожностью и строгостью нравов и считают всякие, даже самые невинные, развлечения грехом; это — самые безобидные и добрые простые люди.

Читатели уже прочли, должно быть, в легальных газетах «сообщение» «Фин. Газеты» о новых программах казенных фин. лицеев, в которых число недельных уроков русского языка увеличено с 30 до 40, «государственный» язык сделан обязательным во всех классах, за исключением трех классических лицеев с греческим языком в последних классах, и преподавание русского языка должно вестись впредь исключительно на нем. За два года число уроков русского языка было увеличено до 30, но этого все мало сатрапу. Большая часть финляндцев жила до последних лет совершенно без знания русского языка, но теперь «общегосударственные интересы» вдруг затребовали введения повсюду русского языка. Александр III в 1890 г. положил начало этой насильственной реформе. Бобриков обещал не утверждать нового штата Политехнического института до тех пор, пока преподавание «общегосударственного языка» не будет поставлено на должную высоту и не будет выяснено число неявившихся к призывам студентов института. Заслуженный директор ст. сов. Квист подал немедленно в отставку. Наконец, в ближайшем будущем будет произведена важная «реформа»: названия улиц должны быть написаны с н а ч а л а по-русски, потом по-фински и, наконец, по-шведски, а, боже упаси, не в обратном порядке, как до сей поры!!!

Требования знания русского языка доходят до комичного. Бобриков не утвердил, между прочим, однажды в должности одного учителя г л у х о н е м ы х, так как он не знал русского языка. Дальше, кажется, некуда итти идиотизму царизма!

Мелочность жандармской цензуры в Финляндии переходит все границы: недавно газетам запрещено употреблять старую рубрику «Швеция» для известий из этой страны, с которой Финляндия тесно соединена всей своей культурной жизнью. С год тому назад газетам запретили рубрику «Россия».

Освобождение порабощаемой самодержавием страны немыслимо без свержения этого позорного ига в самой «империи». Эта незамысловатая мысль все более и более укрепляется в сознании всех оппозиционных элементов маленького угнетенного народа. Финляндские борцы могут ускорить спасение своей прекрасной родины лишь самой энергичной моральной и материальной поддержкой Российской Социал-Демократической Партии. Лишь идя рука об руку с нами к нашей общей великой цели, финский народ добьется политической свободы, которая не будет зиждиться на клятве русских деспотов и которой никто уже никогда не будет в состоянии уничтожить.

Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! — вот славный девиз всех стонущих под жандармским царизмом.

P. S. Третий очередной конгресс Фин. Рабочей Партии должен состояться на-днях в фабричном местечке Форса, на что, кажется, наконец, согласились власти. Руководители Рабочей Партии сначала предполагали устроить конгресс в Улеаборге, затем в Таммерфорсе, но им не было почему-то разрешено. Отчет о заседаниях конгресса мы дадим в следующей статье.

Недавно в Выборге не мог состояться с'езд представителей рабочих механической промышленности, так как на это во-время не было получено «надлежащего разрешения».

За последнее время, благодаря агитации Рабочей Партии, происходят удачные стачки торпарей (т. е. мелких безземельных арендаторов); многие фин. землевладельцы добровольно сократили рабочий день в своих имениях. Вообще эта благоразумная реформа находит широкое применение в Финляндии в этом году.

[В. М. Смирнов].

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

В с е о б щ а я с т а ч к а в К и е в е. (От нашего корреспондента). Охватить всю ту массу событий, какие произошли в Киеве во время десятидневной всеобщей стачки, и дать им надлежащую оценку в небольшой корреспонденции крайне трудно; для этого нужна отдельная брошюра. Но, насколько это возможно, постараюсь наметить главные этапы в развитии движения. На деталях останавливаться не буду. Буду краток. В первых числах июля киевский соц.-дем. Комитет решил подготовить почву для забастовки в жел.-дор. мастерских. К этому времени до нас стали доходить смутные слухи из Баку и Одессы. Вопрос об устройстве стачки был решен Комитетом в утвердительном смысле на заседании 17 июля. Было решено, что стачка будет провозглашена 21-го в понедельник. Сигналом для ее провозглашения должны были послужить: массовое распространение листков и «требований» и тревожный гудок. Листки были заготовлены двух родов. Одни общего содержания — «К борьбе, другие — с требованиями жел.-дор. рабочих, изложенными в 15 пунктах. Предполагалось еще немедленно после провозглашения стачки устроить митинг, с политическими речами, за мастерскими в поле. Последнего не удалось осуществить. Все же остальное произошло как пописанному. В тот же день забастовал Южно-Русский машиностроительный завод и рабочие жел.-дор. депо, всего около 4.000 человек. На следующий день, во вторник, присоединились все типографщики в количестве около 1.400 чел. Вечером они собрались на сходку около Цепного моста, где 64 чел. из их числа и было арестовано. В ночь с понедельника на вторник было арестовано на дому чел. десять рабочих и интеллигентов.

Во вторник был распространен печатный листок к типографщикам. В среду и четверг распространялся листок с призывом к всеобщей стачке. Уже в среду стачка стала принимать всеобщий характер. Забастовали заводы Гретера, Арсенал и друг. мелкие заводы и мастерские.

В среду утром от 9—10 час. комитетский оратор произнес политическую речь на вокзале во дворе жел.-дор. мастерских перед сходкой в 2.500 чел. В тот же день вечером произошла совершенно неожиданная, ничем не вынужденная провокаторская бойня рабочих на вокзале. Точную цифру убитых и раненых до сих пор не удалось установить. Следует думать, что за все время стачки было убито не более 15 чел., ранено же около 200. На вокзале сразу убито было четыре человека, после умерло еще четыре; два трупа были найдены в лозах, на берегу Днепра. Верно, эти раненые забежали туда и там скончались. Один труп с огнестрельными ранами был подброшен полицией под поезд для симуляции самоубийства (см. «Киевлянин» [8]), и, наконец, два челов. было убито в пятницу во время стрельбы на Подоле. Таким образом мы имеем достоверные сведения о 13 трупах. В действительности их было, верно, несколько больше.

На следующий день после выстрелов, в четверг, стачка приняла безусловно всеобщий характер: забастовали все трамваи, в том числе и святошинский, булочники, все ремесленники, корсетницы, папиросницы, табачные фабрики (некоторые со вторника), мебельные фабрики, все решительно заводы, в том числе рафинадный, дрожжевой, кирпичные, бетонный, портовые рабочие, матросы, прекрати-

лось движение пароходов по Днепру и т. д. В пятницу к забастовке присоединилось человек 20 телеграфистов упр. Ю.-З. Ж. Д. К забастовке начали присоединяться строительные рабочие — плотники, каменщики, штукатуры. В некоторых местах происходила ожесточенная обструкция. Всюду по улицам ходят забастовщики. Некоторые булочные, водопровод и электрическая станция охраняются солдатами. Происходят самопроизвольные демонстрации на Еврейском базаре в четверг и на Сенном базаре в пятницу. На Еврейском базаре ранено два казака. Всюду на окраинах рабочие гайками и камнями подшибают офицеров и солдат. В среду и в четверг в госпиталь было привезено 16 раненых солдат. Рабочие рвутся на демонстрацию, хотят прийти вооруженными. Два раза в течение четверга Крещатик наполняется забастовщиками. Город в панике. В четверг утром около 60 рабочих, вооружившись, пришли на место бойни на вокзал и отказались разойтись по требованию войск. Организованным рабочим с трудом удалось убедить их разойтись между вторым и третьим сигналом. В случае, если бы демонстрация состоялась, рабочие сами нападали бы на войска. Комитет не в силах был бы о р г а н и з о в а т ь демонстрацию и р у к о в о д и т ь ею. Произошла бы вредная для соц.-дем. бойня. Решено было демонстрации не устраивать, и в четверг утром (семь час.) Комитет выпустил листок, призывающий рабочих всеобщей стачкой ответить на преступление правительства. «Нашей местью будет стойкая, единодушная, всеобщая стачка», — говорилось там. Наше спокойствие и единодушие всего страшнее правительству; оно жаждет силой оружия подавить наше движение. Многие рабочие бастовали с четверга, не выставляя никаких требований. Когда, напр., вагоновожатых трамвая первоначально спросили, чего они требуют, они ответили: «Мы ничего не хотим». — «Чего же вы бастуете?» — «Да вот вчера стреляли на вокзале, а сегодня мы не будем работать». Еще в начале забастовки, до стрельбы, в ней, несомненно, присутствовал элемент политического протеста. Правда, сознательное отношение к самодержавию, как в форме правления, было лишь у немногих участников стачки, но инстинктивное недовольство существующими государственными порядками руководило очень многими забастовщиками и явилось причиной всеобщей стачки. Формулировалось это недовольство крайне разнообразно. «Почему это бастуют?» спросил я в первый день стачки у извозчика, на котором я ехал. — «Да как не бунтовать, — ответил тот, — на фабриках прижимки и обирательство, к р у г о м — в с я к о е н а х а л ь с т в о». Последнее выражение чрезвычайно метко характеризует общее настроение.

Движение, как и следовало ожидать, не удержалось в мирном русле всеобщей стачки. Помимо демонстраций на Еврейском и Сенном базарах, возбужденное настроение киевских рабочих сказалось еще в крупных беспорядках, имевших место на Подоле в пятницу и субботу. В пятницу беспорядки произошли во время «разгрома» мельницы Бродского; разгром состоял в том, что рабочие, преимущественно подростки, выбили все окна на этой мельнице. Явление обычное, — в сущности, не более как символическое оскорбление; но власти захотели придать ему серьезный характер — уничтожения скопом чужого имущества. Были вызваны войска. Произведено было несколько залпов, от которых пострадало несколько посторонних людей, приезжавших на пароходе из Екатеринослава. Убиты два плотовщика (фимилия одного Майченко, а фамилия другого неизвестна). Ранены: Книшов — буфетчик гостиницы Бель-Вю (огнестрельная рана навылет правого легкого) и клоун цирка Феррони — Бронислав Вагнер (перелом основания черепа от удара прикладом; острое безумие). На вокзале в среду в числе прочих ранена пулей Бабенкова, жена жел.-дор. рабочего, беременная на седьмом месяце. В субботу на Подоле в два часа дня били казаков. Всего за эти два дня было выбито из вражеских рядов человек 15. Видя, что неоформленные вспышки народного возмущения самопроизвольно возникают, Киевский Комитет решил все-таки устроить демонстрацию, придав ей по возможности мирный характер. Демонстрация была назначена на воскресенье, 27-го, в час дня, на Софийской площади с пением «вечной памяти» убитым, с венками, с обнаженными головами. К несчастью, ее постигла неудача; призывные листки попали к рабочим лишь в 11 часов утра, то-есть за два часа до начала демонстрации. Помимо того, к воскресенью всеобщее возмущение уже улеглось. С 12 ч. возобновилось движение трамвая по всем линиям. Город как бы вымер. На демонстрацию явилось не более 1.000 чел., почти исключительно рабочие. Шли, не останавливаясь, большими группами. Проходили мимо назначенного места и больше не возвращались. Группы рабочих были видны на всем протяжении Владимирской улицы, от Софийского собора до театра. Начинать при таких условиях не стоило. К двум часам все разошлись. Весь двор Софийского собора был наполнен войсками.

Повсеместно работы начались с первого августа. Крупную победу одержали типографщики, вагоновожатые, рабочие дрожжевого завода Чоколова и мельницы Бродского. Арсенальным рабочим обещано введение восьмичасового рабочего дня и увеличение платы. В жел.-дор. мастерских 2 августа появилось об'явление, в котором о б е щ а н ы уступки по всем 15 пунктам требований Комитета. В заключение начальник дорог Немешаев рекомендует рабочим на будущее время «не прибегать к убыточным для себя и для казны забастовкам, не достигающим к тому же никакой цели». В остальных промышленных заведениях и мастерских, кажется, уступок не предвидится. Арестованных в тюрьме 18, в казармах артиллеристов и в крепости 300 человек.

До сих пор настроение среди рабочих возбужденное. В некоторых местах (напр. в жел.-дор. мастерских) возможно было бы немедленно устроить вторичную стачку, но она носила бы теперь чисто экономический характер; настаивают на ней консервативные цехи (особенно вагонный); организованные же жел.-дор. рабочие предпочитают приберечь силы для всеобщей стачки, имеющей политическое значение.

За все время забастовки Комитетом выпущены следующие листки: 1) «К борьбе» (описание бакинских и одесских событий), 2) «Требования жел.-дор. рабочих», 3) «Ко всем типографщикам г. Киева», 4) Призыв ко всеобщей стачке (обращение ко всем киевским рабочим, причем все профессии перечисляются поименно и приглашаются присоединиться к начавшейся стачке), 5) Об убийствах на вокзале, 6) Призыв к демонстрации, 7) Ко всем гражданам (характеристика современного положения и того политического значения, какое имеет борьба пролетариата), 8) Итоги стачки, 9) Ко всем солдатам киевского военн. окр. (последняя усиленно распространяется среди солдат, издана в количестве 4.000 и пользуется успехом). Всего отпечатано около 24.000 листков (наша типография, кажется, единственная из всех киевских типографий, не подумывала о забастовке). Кроме того, отдельные требования печатались на гектографе — листков восемь-десять. В пользу стачечников и семей убитых собрано около 600—700 рублей.

К и е в (из частного письма)... Столкновения были грандиозные! Я лично, например, присутствовала при столкновении «войска» с рабочими мукомольной мельницы Бродского. Зрелище поразительное! Это было утром, часов в 11. Рабочие, работающие на противоположном берегу Днепра, захотели переехать в город к остальным товарищам. Переезжают они обыкновенно на пароходике, но теперь управляющий мельницы запретил перевозить их. Тогда рабочие, находившиеся на этом, городском берегу, взяли пароходик и поехали за товарищами сами. До того берега они добрались благополучно, взяли товарищей, — не всех, конечно, а часть — и направились в город. Так как у них капитана не было, то им с большим трудом удалось пристать к берегу. Тут их встретили громкими криками «ура» и ружейными выстрелами, которые смертельно ранили двух монахов, случайно переехавших на этом пароходе, и нескольких рабочих — двух довольно тяжело. Другое столкновение было на вокзале. Меня там не было, были знакомые. Произошло оно по следующей причине: после двухдневной забастовки рабочие с женами вышли на линию и разлеглись по рельсам. Полиция, после нескольких окриков, начала, без предупреждения, стрелять. Убитыми оказались, говорят, трое, а раненых, я знаю, много. Толпа была громадная, давка неимоверная. Ка-

заки прямо топтали лошадьми людей. На следующий день рабочие направились на Шулявку, взяли там одного из убитых товарищей, положили на носилки и понесли его по направлению к Крещатику с намерением положить посередине улицы, чтобы всем показать зверства нашей полиции. Но они успели добраться только до Кирилловской, а тут их встретили казаки, солдаты, городовые и, после довольно упорной стычки, мертвеца забрали в Александровскую больницу, а толпу разогнали.

Екатеринослав (рассказ участника событий). Всеобщая забастовка в Тифлисе, Батуме, Одессе, Киеве, Николаеве подняла настроение рабочих города Екатеринослава, и Комитеты Росс. С.-Д. Р. П. (их в Екатер. два) решили призвать екатеринославских рабочих к стачке и протесту против существующего политического и экономического гнета. Для руководства стачкой Комитеты, обычно действующие врозь, образовали стачечную комиссию из равного количества членов от обоих. Прокламации, кроме бюллетеней, должны были выходить от имени Комитетов. На предложение соц.-рев. о совместной работе стачечная комиссия ответила, что единственным актом совместной работы может быть лишь назначение дня стачки. Раньше двух дней ответ не мог быть передан, и за это время соц-революционерами была выпущена прокламация с призывом к стачке на понедельник, 4 августа. Стачечная же комиссия находила возможным начать забастовку лишь в четверг, 7-го, и она решила не допустить начать забастовку в понедельник, в виду неподготовленности к ней массы и организации; в то же время стачечная комиссия сочла необходимым войти в сношение с соц.-рев. и предложить им приостановить свои действия и перенести день забастовки на четверг, на что соц.-рев. согласились. Было ли соц.-революционерами что-либо предпринято в смысле приостановки забастовки — неизвестно. В двух заводах один-два цеха начали забастовку, но в самом начале она была прекращена соц.-демокр., которые призывали рабочих подождать несколько дней до призыва к стачке от Партии соц.-дем. Затем во вторник партией соц.-рев. была устроена забастовка среди булочников. Большинство рабочих булочных побросало работу; хлеб в продолжение нескольких часов держался на высокой цене, но по приказанию полиции к вечеру того же дня упал до нормы, причем некоторые хозяева были оштрафованы на довольно значительные суммы за искусственное поднятие цен — напр., Сольц на 500 руб. В среду стачечники-булочники собрались в количестве ста чел. для выработки требований. Полиция, узнав о собрании, арестовала свыше 60 чел., жестоко избила их, препроводила в третий участок и оттуда разослала на родину. Как сильно били рабочих, можно судить со слов околоточного: «Натешили мы сегодня свои души над жидами, так их избили, что век будут помнить жидовские морды русскую полицию», кричал он на весь вагон трамвая, где большинство были те же евреи.

Начиная с понедельника полиция стояла у заводов, а жандармы внутри заводов оберегали гудки. Забастовка в железнодорожных мастерских, где настроение было наиболее приподнятое, где целый месяц поговаривали о стачке, началась 7 августа, как это было решено стачечной комиссией. В восемь часов утра тревожно зазвенели звонки у машин, раздались крики: «Стачка, стачка, бросайте работу, выходите во двор, да здравствует стачка!» Выпрямились согнутые спины; рабочие побросали работу, но тотчас же выйти во двор не могли: во дворе и у дверей завода стояло войско, полиция с вице-губернатором во главе. «Господа, зачем вы слушаетесь злонамеренных людей, зачем устраиваете бунт? ведь и мы люди и можем понять ваши нужды, попросите нас; все, что можем, мы сделаем для вас. Встаньте тотчас же на работу, выберите несколько человек и выскажите нам, чего вы хотите; мы рассмотрим и удовлетворим вас, поскольку возможно», — пел помпадур. — «Если же не послушаетесь, то берегитесь; мы изобьем вас, бунтовщиков, нагайками, голодом поморим ваши семьи, повыселяем на родину, засадим по тюрьмам, да и войско у нас есть», — уже не пел, а неистово кричал он. Затем выступил управляющий мастерскими и говорил то же, что и вице-губернатор. На обе речи был один ответ: «Мы не верим вам, мы не начнем работать до тех пор, пока не подпишите наших требований и не вывесите их в мастерских». На угрозы же помпадура ответили криком и свистом. «Запереть их на заводы, и не выпускать!» — распорядился вице-губернатор. Рабочие начали неистово кричать и требовать, чтобы их отпустили домой, что они не намерены умирать с голоду. Помпадур сдался, и отворились ворота завода и двора. Рабочие толпой хлынули на улицу поселка; часть пошла по домам, большинство же сомкнутой толпой тысячи в две двинулось к заводу Эзау. Толпа быстро прибыла к заводу и с насыпи стала кричать: «Товарищи, бросайте работу, выходите к нам, да здравствует забастовка! да здравствует рабочий класс!». На заводе раздались звонки, тревогу забил гудок (видно, плохо его жандармы оберегали), и рабочие Эзау, быстро бросив работу, присоединяются к товарищам. Теперь они идут к Брянскому заводу. Удастся ли и там прекратить работу? Они идут по насыпи. Солдаты, полиция перерезали им дорогу: «остановитесь!» Дрогнула было толпа; но вот один, другой, третий спрыгнули на полотно дороги, и вся толпа уже там. С двумя девушками-работницами впереди, смело и беспрепятственно она входит в завод... Снова крики радости... Сотни остались за станками, тысячи вышли вместе с товарищами и направились к Трубопрокатному заводу. Здесь у ворот завода их встретил сам директор, бледный, дрожащий, с револьвером в руках. «Не входите: я буду стрелять», — еле внятно лепетал он. Рабочие подошли к нему и строго потребовали спрятать револьвер, что он и сделал, но руки из кармана не вынимал; тогда рабочие решили обезоружить труса. Одни взяли его сзади за руки, но директор быстро выхватил револьвер и побежал в контору, стреляя по дороге, хотя его никто не трогал; в конторе он продолжал стрелять из окна, но дрожащие руки не слушались его, и выстрелы попадали в пустое пространство. Рабочие, глубоко возмущенные директором, послали ряд камней в окна конторы; одни из них угодили прямо в директорскую физиономию, что и заставило негодяя прекратить его гнусное занятие. Прибыли рабочие из Гвоздильного завода; теперь все заводы этого района Екатеринослава прекратили работу. Многотысячная толпа решила итти через Брянский завод на фабричную слободку и там устроить собрание. По дороге быстро разнеслась весть, что в Брянском заводе заперто до тысячи человек, принуждаемых силой к работе. Делом нескольких минут было двинуться на помощь, но известие оказалось ошибочным; это сотни отщепенцев, бросив, наконец, работу, все же не находили в себе мужества встать в ряды своих товарищей и со двора завода с любопытством и страхом смотрели на толпу рабочих и войска.

У Брянского завода толпа случайно разделилась: одна часть пошла по насыпи, другая низом. Тут полиция и войско направили всю силу на то, чтобы не дать больше соединиться толпе. Последняя же, наоборот, старалась соединиться. С момента раз'единения рабочих казаки и конная полиция терроризировала рабочих, набрасываясь на них с нагайками. Особенно усердствовал казачий офицер. Рабочие градом камней легко и быстро обращали в бегство башибузуков. При входе в фабричный поселок стояла масса войска и полиции; последняя потребовала от рабочих, чтобы они разошлись или, по крайней мере, вошли в поселок не улицей, а берегом реки. Рабочие прекрасно поняли уловку полиции: тогда они будут вполне отделены от товарищей, идущих по насыпи, и будут отданы во власть опричников и их нагаек, — и они твердо заявили, что в поселок они войдут здесь. Видя решимость многотысячной толпы, полиция сняла цепь солдат и пропустила рабочих, но продолжала мешать соединиться с другой частью стачечников. С начала стачки с рабочими были их жены, сестры и дети. Одна из женщин стояла на насыпи, и казачий офицер, подскочив к ней, ударил ее нагайкой; она оторвала конец нагайки, в котором, как всегда, был вделан внутри ремня кусок железного стержня в палец длины и толщины. Женщина подняла его кверху и закричала: «Смотрите, чем бьют вас, ваших детей, ваших жен и ваших старух-матерей! Ведь мы скотину не ударили бы этим», и она схватила кирпич, подбежала к офицеру, ударившему ее, и ударила его в голову. Офицер зашатался. Казаки с нагайками набросились на женщину. Рабочие кинулись

защищать ее, схватили камни и начали бросать в казаков; те было бросились к толпе, но град камней обратил их в бегство.

Тогда офицер отделил человек 40 солдат, и, выстроив их в два ряда, без малейшего предупреждения скомандовал: «на прицел». — «У нас боевые», — докладывал фельдфебель. Офицер молча кивает головой и командует: «пли» и сам первый стреляет из револьвера. Упал один, другой, и вот уже около трех десятков на земле. Раздались стоны, крики, а рабочие еще не верят, что это — боевые заряды: не могут же их убивать за то лишь, что они хотят улучшить свою долю, что они защищают своих жен. Но факт налицо и, уверившись в нем, мрачные, полные негодования, рабочие разбрелись по домам, видя, что войско готовят к продолжению бойни. Женщины с полотенцами и водою в руках бросились к раненым, чтобы оказать посильную помощь, но казаки разгоняли женщин. Полиция мертвых отвезла в заводскую часовню, раненых в больницы. Среди 11 убитых было двое детей, один пожилой мужчина лет 45, а остальные от 17 до 25 лет. Среди тяжело раненых — 13 человек — были две женщины, один мальчик, остальные взрослые мужчины. Из этих 13 трое умерли уже. Сверх того считают до 15 легко раненых. Большинство пуль попало в грудь, лицо и голову. Какое впечатление произвели убийства, видно из следующего факта. В первый день забастовки один из членов Комитета находился в квартире, куда должны были приходить через определенные промежутки времени, после крупных событий, товарищи рабочие, чтобы дать подробный отчет о ходе стачки. После бойни вбегает один из руководителей стачки рабочий с криком: «Поймите, стреляли, они убиты, убиты десятки людей, кровь, стоны кругом... Я жив, о, зачем я жив! Вы, Комитет, вы руководители наши, научите же, что теперь должны мы делать». Жена его рыдала о погибших, она только что вернулась оттуда. Товарищ из Комитета побледнел, услыхав об этом кровавом исходе мирной стачки. Ему оставалось ответить то, что можно ответить в этом случае. «Эти жертвы ужасны, кровью их обагрилась земля, которая даст всходы; каждая капля этой крови даст не один десяток борцов. Вспомни, товарищ, что люди гибнут каждый день бесполезно, гибнут от чрезмерной работы, от несчастных случаев. В этих же смертях есть глубокий смысл. Взгляни же прямо, товарищ, на умерших и раненых, и пусть их кровь вольется в нашу, и сильнее, и глубже станет наша ненависть ко всем насильникам, ко всему существующему несправедливому, гнусному строю». Жена товарища рабочего спокойно сказала: «Жандармы идут к нам». Столь же спокойно сказал ее муж: «Кто-либо один из нас еще может уйти. Идите». И он отворил окно, выходившее в одну из надворных построек. Женщина крепко заперла окна, закрыла их ставнями и сказала: «Когда я два раза ударю в стену, вы можете выходить во двор». Спокойно вышла во двор и отперла дверь жандармам. Жандармы вошли в другую квартиру...

Целый день волновались рабочие в поселках. Группами собирались, глубоко возмущались и спрашивали друг друга, за что в них стреляли. За кусок хлеба жизнью приходится платить, говорило большинство рабочих. Сознательные рабочие об'яснили товарищам, почему в них стреляли. Рабочие внимательно слушали и глубоко вдумывались в речи. В этот день больших собраний не было. Всех созывали на завтра на Чечелевскую площадь у народного театра.

В заводских же поселках, Амуре и Нижнеднепровске, этот день прошел спокойно; забастовал из всех заводов лишь один. Управляющий вагоно-строительного завода умилился душой, что рабочие этого завода не поддержали железнодорожные мастерские и, созвав их, сказал им прочувствованную речь: «Хорошо, ребята, что не послушались вы злоумышленников и не начали бунта, как другие негодяи. За это, братцы, говорю вам большое спасибо и министру о вас донесу, а через него его императорскому величеству. И пришлет он вам свое царское спасибо». — «Рады стараться!» — закричали некоторые из рабочих. Довольный и спокойный ушел начальник, и сон, вероятно, они видел хороший; по крайней мере не снилось ему, что завтра «братцы» наплюют на царское спасибо и станут теми же «негодяями», что и рабочие других заводов.

В городе забастовало много мастерских; газеты не выходили: «Вестник Юга» — три дня, а «Приднепровский Край» — два дня. Рабочие группами ходили по мастерским и останавливали работу. Нигде рабочим не приходилось употреблять насилие. Все рабочие охотно сами бросали работу и присоединялись к забастовщикам. Продолжали работать мельницы, лесопильни, пивной завод Боте, завод Лещевера, кой-какие отдельные мастерские, булочники. Последние, обессиленные преждевременной забастовкой, не могли вторично пристать к забастовке. Хлеб за дни всеобщей забастовки в цене не поднимался. На следующий день с раннего утра толпы рабочих, их жен, детей двинулись в назначенное место, но здесь стояли войско, казаки, полиция и разгоняли рабочих. Многие ушли по домам, но все же к восьми часам утра собралась толпа в полторы-две тысячи чел., перед которой выступили ораторы. Войско и полиция с полицмейстером во главе окружало собрание, но не разгоняло его. Полицмейстер решил мирно уговорить рабочих итти на работу и выдать злонамеренных людей, которые призывают их к бунту. Насмешками ответили рабочие на сладкие речи его, а на предложение выдать «подлецов» ответили: «Почему же подлецы они? Они в нас стреляли? Нет, а ты стрелял. Они нас нагайками били? Нет, а ты бил, так кто же подлец?» Ораторы свободно в присутствии полицмейстера говорили свои речи. Говорили они о тяжелых условиях труда, о беспросветной жизни рабочих, о чрезмерной эксплуатации, о необходимости борьбы за лучшую долю, о стачке, как о форме экономической борьбы, говорили об убитых и раненых товарищах, указывали их убийц, разоблачали второго врага рабочих — самодержавное правительство, рисовали весь гнет его, говорили о стачке, как форме политического протеста, и кончали речи возгласами: «Да здравствует всеобщая стачка, да здравствует политическая свобода, долой царство гнета и насилия, долой самодержавие!» Собрание горячо приветствовало речи, дружно подхватывало возгласы, многие рабочие жали руки ораторам. В самом разгаре собрания по полю мимо него прошла печальная процессия, хоронившая убитых; много рабочих, больше всего женщин и детей, идут за гробами, еще того больше войска и полиции. Многие рабочие из собрания присоединяются к похоронам, но большинство остается на площади вокруг ораторов, которые делают непростительную ошибку, удерживая толпу: «Зачем ходить на кладбище, мы и здесь можем устроить достойные похороны нашим славным борцам», и произносят горячие речи об убитых и убийцах. Стачечная же комиссия решила устроить похороны с венками и пением революционных песен, но не передала еще своего решения организации, предполагая, что убитых будут хоронить лишь на третий день.

Похороны представляли душу надрывающую картину. Слезы, рыданья кругом... Но не одни слезы видны на лицах... Слышатся угрозы полиции, войску, правительству. Раздаются бичующие речи не только «злонамеренных людей», но и самых умеренных; обличительные речи произносятся и женщинами. Кругом стоят полиция, солдаты; некоторые начальники заводят разговор с рабочими, пытаются в смертях обвинить их и «злоумышленников», но всегда получают один ответ: убийцы вы. Многие из рабочих укоряют Комитет, что он не был на похоронах.

На чечелевское собрание народ все прибывает, три часа ораторы говорят свои речи и кончают собрание призывом итти в город, чтобы остановить работы во всех заводах, фабриках и мастерских, соединиться там с городскими рабочими, вместе с ними слушать ораторов и демонстрировать на улицах. Толпа одобряет это предложение, ораторы говорят: мы пойдем тихо, спокойно без песен, без криков; ораторы не решились придать шествию политический характер. Толпа тысячи в три-четыре двинулась к городу, шла она чечелевским заводским поселком. Из многих домов выходили рабочие и присоединялись к шествию. Не раз выбегали женщины, хватали за руки своих родных, снимали силой с них шляпы, умоляли остаться дома, но и с непокрытой головой шли рабочие, не уступали мольбам женщин; несколько женщин вошли в толпу. Здесь толпа возросла до шести-семи тысяч; в ней были и ремесленники-евреи. Бодрая и скорым шагом двигалась толпа; испуганные обыватели запирали ворота домов,

лавки. Рабочие говорили: «Не бойтесь нас, не запирайте ворот, не запирайте лавок, мы вас не тронем; не громить и убивать мы идем, идем бороться за правое дело, а вы, приказчики, тоже трудящиеся люди; идите к нам». Многие магазины остались открытыми, некоторые приказчики входили в толпу. Толпа прошла весь Чечелевский поселок, Трамвайную улицу и остановилась у трамвайного депо: «Бросайте, товарищи, работу, идите к нам». Боязливо сторонятся от стачечников рабочие. Тогда толпа вбегает во двор депо, в мастерские, останавливает машину, — момент, и замерли конки по всему городу Екатеринославу; большинство из них сделались достоянием ребят, которые на них по-своему хозяйничали. Кондуктора трамваев говорили организации, что, если им окажут маленькую помощь в начале стачки, то дальше они будут крепко держаться за нее (через восемь часов, когда возобновили электрический ток, кондуктора были на своих местах и спешно подвозили полицию и войско к борющимся рабочим). Сделав свое дело в депо, рабочие двинулись к заводу Боте на Проспекте, здесь остановили они работу и решили итти к электрической станции, освещающей Петербургскую улицу, затем к мельницам и лесопильням; но в это время передние ряды сказали, что по Проспекту идет войско и казаки, а перед ними городские рабочие-ремесленники. Тогда рабочие решили итти навстречу ремесленникам, чтобы не оставить их одних в руках казаков и войска. Быстро двигались рабочие и войско друг другу навстречу; впереди войска оказались не ремесленники, а некоторая часть заводских рабочих, отбившихся от общей толпы. Вот войско и рабочие сошлись, остановились; барабан забил тревогу, выстроились казаки с нагайками в руках. «Приготовьте палки», — скомандовали вожаки. Палок у большинства не оказалось. «Набирайте камни». Рабочие наклонились, чтобы набрать камней, но, вместо камней, смогли взять лишь горсти пыли. Казаки врезались в толпу с диким остервенением, засвистали нагайки. Нечем было защищаться демонстрантам, и они побежали, но сзади опять стояло войско и неистовствовали казаки и полиция. Значительная часть стачечников была отрезана от толпы, осталась за линией войска. Свободными оставлены боковые улицы, туда направились бегущие стачечники, а за ними казаки, полиция. Обыватели, по приказу ли полиции, по своему ли почину, крепко держали ворота на запоре. Некоторые из бегущих кричали: «жителя, отворяйте ворота!», но редкие ворота открывались. Вблизи были лесные склады, проходные дворы, берег Днепра с массой приплавного леса, и толпа скрылась от преследования полиции и казаков. Арестованы немногие. Стреляли холостыми зарядами в спину бегущим.

На Амур и Нижнеднепровск в помощь сознательным рабочим стачечной комиссией были посланы товарищи с других заводов, и здесь повторилось то же, что и в Брянском районе: толпами ходили рабочие с одного завода на другой и останавливали работу, забастовал в том числе и вагоностроительный завод (не очень-то ценят, видно, рабочие царскую благодарность), а также забастовали пристанские рабочие. В городе работали лишь мельницы, булочные, трамвай, да некоторые лесопильни.

Ольга [Громан].

(Продолжение в следующем №.)

Еще об одесских событиях. Приводим письмо рабочего (с исправлением орфографии), проливающее новый свет на знаменитую одесскую стачку:

«Товарищи, это было очень торжественное время, если смотреть с точки зрения людей, которые имеют хоть малое пристрастие к мщению своим врагам-угнетателям, которые доводят нас, рабочих, до нищеты и невежества и не дают нам жить, как подобает человеку. 16 июля мы, все рабочие одесских частных каменоломен, спустились в шахты работать. От усталости 18-часового рабочего дня лениво начали работать: то сон налегал, то мешали бурить потные ломы. Один товарищ из досады предложил закурить. Сели. Не успели сделать папироски, пришли к нам товарищи соседних припоров тоже покурить и пополам горе поделить. Это, товарищи, был братский отдых и любовь. В то время мы друг другу высказывали все свои обиды и чувствовали себя силой. Сначала у нас речь шла о табаке, что много курим и правительству много угод и прибыли даем. Потом Васька, наш товарищ, начал нам жаловаться, что его на косарке побили кабыки (?) и забрали 6 руб. денег и с его денег дали долю 2 рубля городовому, и так начал запускать во все киевские святыни, в святейший синод и в батюшку-царя, что все за бока стали хвататься. Один старик-хохол говорит: „Стойте, хлопци, я вам штукенцию расскажу. Я был вчера в городе и чул, что забастовали карантинные сносчики и моряки и что бастуют все фабрики и заводы". — „Забастовка, забастовка", — послышались голоса тяжчиков; мальчик пришел, говорит: „Забастовка". „Наверх, товарищи, наверх". Сразу лестница зачала, повылазили наверх: правду мальчик говорил; говорил, что вчера, 15-го, много людей было в Рубовском саду и просят всех товарищей бросить работу и итти к ним. Все крикнули: „Бросай ломы, идем бить полицию". „Нет, не надо, идем посмотреть, что за публика". Толпа засуетилась, стала кричать: „Долой самодержавие! Идем скорей до Рубова". — „Нет, идем, дадим другим знать". Некоторая часть разбрелась по каменоломням с криком „забастовка". Через 2 часа толпа с песнями и криками направилась по дороге Рубова сада. Выделялись отдельные голоса песни: „За что же ты меня, доля, до Сибири довела". В 10 часов мы были в Рубовом. Там мы видали надзирателей, городовых, казаков, большие кучки рабочих, которые обсуждали свою тяжелую жизнь. Я направился к толпе одной кучки, стал прислушиваться. Один читал прокламацию, напечатанную жандармами, а некоторые личности убеждали толпу, чтобы не слушали социал-демократов, потому что они враги не только для правительства, но и для рабочих. Толпа смеялась. Оратор сердито смотрел. Вдруг у меня за плечами раздался чей-то голос. Я поворотился: то был наш товарищ, сознательный, от которого я узнал, что все сознательные пошли на Пересыпь, чтобы остановить все фабрики, а к 4 часам прийдут сюда. Мы решили не расходиться до 4 ч. Со второго часа толпа увеличивалась все больше и больше. В начале пятого я уже едва разыскал товарищей и одну барышню, которая заняла место оратора. Барышня говорила очень популярно. Все слушали. Полиция хотела арестовать, но вольные солдаты говорили: дудки. Полиция побоялась. Барышня кончила речь. Как вдруг послышались крики: „Товарищи идут с карантина". Толпа направилась к сахарнозаводским воротам. Тут мы увидали большую толпу народа и казацкого полковника с сотнею казаков. Один крикнул: „Долой войско!". Толпа начала разбегаться. Остальные кричали: „Не утекайте". Толпа уселась. Оратор начал говорить речь, как мы должны себя вести и что мы должны требовать: 1) свободы стачек, союзов, 2) свободы слова, 3) свободы печати, 4) неприкосновенности личности. Оратор хотел высказать, что такое самодержавие, но шпионы срывали, не давали говорить. После этого говорили еще ораторы, шпионы уже не могли их сорвать. Один оратор говорил нам о царской эксплоатации на казенно-очистительных заводах. На другой день, в 10 часов, и казаки слушали, полковник тоже, а разгонять не разгоняли. Оратор сказал народу, чтобы на другой день толпа собралась в 10 ч. На другой день, как мы пришли, мы уже видали около 50 тыс. народу, которые были разбиты по кучкам. Каждая кучка вырабатывала требования. Я присел к одной кучке, к девице, и спросил ихние результаты. Они мне ответили, что результаты плохие: вырабатывают требования от хозяев. Я направился к своим каменоломенским, об'яснил им требования. Товарищ Васька опять запустил во всех святых Серафимов. Все начали говорить: „раз свободы нет, так и требований не надо: надо, чтобы знали, что такое самодержавие". Потом мы направились еще к одной толпе. Тут мы узнали наших ораторов, говорили на политическую тему, началось разбрасывание прокламаций. Толпа просила прочитать. Тут появились солдаты со штыками и казаки с нагайками. Толпа разошлась кто куда».

Одесса (случайное письмо). Рабочее движение в Одессе, вследствие энергичных представлений иностранных консулов и обращения фабрикантов непосредственно

в Петербург, здесь, повидимому, улеглось. Несколько дней тому назад Шаевич был разыскан полицией и арестован. Первая телеграмма предписывала отправить его в Усть-Сысольск. Вторая телеграмма предписала препроводить его в Петербург, всю его корреспонденцию опечатать и выслать туда же. Следствие как о Шаевиче, так и вообще о разыгравшемся движении предписано вести другу и вдохновителю Шаевича, жандармскому полковнику Васильеву. Теперь начинает выясняться анархия, господствовавшая среди одесских правящих сфер во время движения. Полицмейстер Головин, повидимому получавший предписания непосредственно из деп. пол., умышленно затягивал арест Шаевича, не являлся к Арсеньеву и иногда действовал прямо против его приказаний. В некоторых случаях, так же как и при кишиневских погромах, констатировано, что квартальные надзиратели, предводительствуя толпой, указывали, где находится та или другая фабрика или мастерская. Забрав там в плен всех рабочих, они командовали: «дальше», и в другом месте повторялась та же история. Арсеньев, добродушное существо, переведшийся в Одессу исключительно с целью лечить на Лимане свои многочисленные ревматизмы, обращаясь к своему правителю канцелярии Осетрову и фабричному инспектору Попову, в полном недоумении спрашивал их совета: как поступить, что нам делать, если... вдруг Васильев возьмет и спрячет Шаевича у себя? 21 и 22 июля, когда караулы в порту были сняты, там тотчас же появились толпы «независимцев» и начали стаскивать с пароходов начавшие было работать команды. Один боцман, если не ошибаюсь, парохода «Ольга», не отпускавший команды, получил удар в голову, от которого умер в больнице. Дом другого боцмана был сожжен в Николаеве. Караулы сейчас же были поставлены снова. Отряды солдат ходят по городу. Некоторые из требований, пред'явленных рабочими фабрикантам, были очень любопытны. Так, Пекаторос, директору кожевенного завода, по убеждениям социалисту с примесью христианского елея, забастовавшие рабочие на созванном им же самим собрании потребовали передачи производства в их руки. Пекаторос указал им на то, что предприятие ведется в убыток и, стало быть, им невыгодно будет взять его в свои руки. Но рабочие перехитрили его, указав на то, что вместо 8.000 рублей, которые получает господин управляющий, и других крупных кушей, попадающих в руки теперешней администрации, они бы тратили гораздо меньше на управление. Сконфуженный в конец директор принужден был прекратить прения. Во время общей стачки рабочими, главным образом женщинами, пред'являлись целые списки требований, с массой параграфов, главными из которых были: введение восьмичасового рабочего дня, повышение заработной платы и замена прежней фабричной администрации новою, назначаемою по указанию рабочих. Рабочие во время этой стачки вели себя смирно и, не получив удовлетворения почти ни одного из своих требований, стали на работы, в ожидании, пока их требования будут рассмотрены и удовлетворены фабричной инспекцией.

По имеющимся здесь сведениям, «независимцы» [9] из Одессы перекинулись в Елисаветград и устроили там нечто аналогичное. В Николаеве 21 и 22 июля «независимцы» остановили движение конки и начали избивать непокорных кондукторов и кучеров. Когда явился градоначальник и начал выражаться по-военному, ему сшибли камнем фуражку. Был произведен залп — много раненых и несколько убитых. На отдаленных улицах рабочими было устроено нечто вроде баррикад, из-за которых они стреляли в полицию и войска из револьверов. Из Киевской губ. приходят самые тревожные слухи. По официальным сведениям, в трех уездах, смежных с Херсонскою губ. (Черкасском, Чигиринском и еще каком-то), происходит серьезное аграрное движение. Я читал официальное донесение губернатора по этому поводу, рисующее картину, напоминающую сцены из времен французской революции 1789 г. На сахарном заводе Бродского, насчитывающем около 1.500 рабочих, «злоумышленники» не встретили сначала сочувствия со стороны массы рабочих; тогда, соединившись с некоторыми недовольными элементами, они подожгли завод, предварительно залив свинцом пожарные машины завода. Завод горит частями в течение двух недель (?). Банды «злоумышленников» выжигают леса частновладельцев, в особенности графов Бобринских, и поджигают усадьбы, уничтожая скот, сельскохозяйственные продукты и машины. В одном месте (позабыл указание донесения) у графа Бобринского было сожжено 40 лошадей в конюшнях, предварительно тщательно закупоренных. Оставшееся без занятий рабочее население, в количестве 20.000 человек, а с семьями около 40.000, стекается в местечки с преобладающим еврейским населением, например в Шполу, которые не могут прокормить всю эту массу. Опасаются погромов. Все население терроризовано и бежит в город. Вероятно, движение в ближайшем будущем перебросится в соседний уезд Херсонской губернии.

Николаев, 15 августа. Уже три недели прошло после демонстрации, а брожение не унялось. Ежедневно казаки дежурят, заводы охраняются. Директора заводов ждут вспышки и, несмотря на это, принимают все меры, чтобы провоцировать рабочих. На Французском заводе все рабочие были уволены и теперь принимаются как вновь поступающие, с медицинским освидетельствованием и прочими формальностями, дающими возможность под благовидным предлогом не принять того или другого неблагонадежного рабочего. Прежде всего были приняты бригадиры, которым было поручено составить списки благонадежных. От желающего поступить на завод отбирается адрес, а затем на дом присылается ему печатное извещение, что завод его услугами воспользоваться не может. Таких извещений уже разослано свыше 600. Впрочем, администрация завода не брезговала пользоваться этими адресами и для других целей — несколько дней подряд замечалось такое явление: днем рабочие оставляют на заводе свой адрес, а ночью по этому адресу приходят их арестовывать. Возбуждение рабочих, чуть не ежедневно собирающихся вблизи завода в ожидании приема на работу, возросло до того, что они недавно решили на завод на следующий день никого не пускать, пока не будут приняты все уволенные. Об этом проведала администрация завода, и на следующее утро у завода был вывешен список 700 лиц, принятых без всяких формальностей. В настоящее время на Французском заводе работает около 1.500 человек.

Кстати, во время «беспорядков» правительство, повидимому, не забыло воспользоваться обычным приемом восстановления публики против рабочих, стараясь запугать обывателей, чтобы потом иметь оправдание своим жестокостям. По магазинам бегал суб'ект и кричал: «Закрывайте магазины! наши требования не удовлетворены, рабочие пойдут разбивать лавки». В настоящее время разговоры, пересуды, легенды о демонстрации во всех слоях населения не прекращаются. Дети на улицах играют в демонстрацию: одни бегут с платочками, привязанными к палочкам, и кричат «ура» и «долой самодержавие», другие гонятся за ними и ловят их. Распоряжение градоначальника о десятичасовом рабочем дне в ремесленных заведениях вызывает волнение как среди хозяев, так и среди рабочих. Первые недовольны распоряжением, так как оно посягает на их карманы; вторые недовольны потому, что распоряжение это, без соответствующего увеличения расценков, понижает заработок. Фабричный инспектор разослал фабрикантам предложение (или предписание?) ввести институт старост. Управляющий табачной фабрики Ага (около 200 рабочих) предложил рабочим выбрать старост; но затем, когда рабочие хотели приступить к этому, управляющий об'явил, что он уже сам выбрал, кого надо. Тем временем к нему попала комитетская прокламация о старостах; проникнувшись ее содержанием, он старается убедить рабочих, что значение этого института сводится к нулю.

В настоящее время в тюрьме сидит более ста человек. Некоторые получили приговоры по старым делам. Уже высланы в Вологодскую губ. — Плаксин и Романов на три и четыре года, в Вост. Сиб. — Самуил Альтшулер (инт.) на 3 г., Мирский на 4 года, Осадчая на 3 года, Павлоцкий на 4 г. Дмитрий Калафати (инт.) приговорен к 4 годам Восточ. Сибири. Лазарь Вулих, сидевший в Конотопской тюрьме (по Николаевскому делу), отправлен теперь в Пе-

тербург, Георгий Шкапин совсем освобожден (но зато теперь за демонстрацию вместе с другими 22 будет предан суду судебной палаты с участием сословных представителей; дело из рук жандармов перешло уже к судебному следователю). Приехавший к нам начальник Херсонск. жанд. управления заявил, что во что бы то ни стало выловит весь Комитет, и энергично принялся за дело; однако большой осведомленности он не обнаруживает. Так, во время «беспорядков» хватали из толпы кого попало, затем, когда первый пыл остыл, при арестах руководствовались такой уликой принадлежности к революции, как ношение косоворотки. В косоворотке нельзя было появиться на улице. Таких хватали без разбора днем и сажали в тюрьму. Сомневаемся, чтобы такими примитивными приемами удалось скоро выловить Комитет.

За июль и начало августа в Комитет поступило 130 рублей 50 коп., израсходовано 163 р. 55 к. За это же время выпущено семь листков и 9-й № «Нашего Дела» [10], всего в количестве 13.000 штук.

Бахмут. Нам пишут:

«Увлеченный общим потоком рабочего движения, охватившего Россию со всех концов, и наш бахмутский рабочий, до сих пор пребывавший в тяжелом полудремотном состоянии, примкнул к рядам борющегося пролетариата. Недавно, как вам, вероятно, уже известно, у нас произошла первая стачка — стачка портных мастерской Неймарка. Она кончилась полным успехом и послужит, несомненно, началом новой, революционной эры нашего города, в котором и, особенно, вокруг которого сгруппировано такое множество не сознавших еще себя и дремлющих пока пролетарских сил. Бахмутский обыватель воспитан в тупой покорности властям и свыкся с мертвенной и мертвящей тишиной нашей провинциальной жизни. Естественно, что неслыханная «дерзость» и отвага стачечников на первых порах встревожила его и испугала, и ему стала мерещиться свежей памяти кишиневская «тактика» г. фон-Плеве. Мало-по-малу, однако, разобравшись в событиях, он успокоился и под конец стал даже втихомолку высказывать и доказывать сочувствие смельчакам, дружный и бодрый протест которых произвел на него действие свежей, живительной струи чистого воздуха на человека, задыхающегося в затхлой и смрадной атмосфере. Обыватель успокоился и начинает приспособляться к новым условиям бахмутской действительности. Зато никак не могут успокоиться наши бравые жандармы. Первая стачка и особенно прокламация Екатеринославского и Донского Комитетов застигли их врасплох и поразили, аки гром из ясного неба. Так, вероятно, мечутся лягушки, когда в их застоявшееся болото бултыхнет ненароком внушительных размеров камень. Сыск у нас до настоящего времени организован был совсем плохо, и посему наши голубые с особенной благодарностью приняли услуги доброхотных ищеек и шпионов. Симпатичное амплуа таковых взяли у нас на себя, между прочим, и два «интеллигента»: молодой и много (о, очень много!) обещающий врач г. Сангурский и его доблестный коллега, адвокат Грузенберг. Дебют их на новом поприще был, однако, не из блестящих. Обыски, произведенные по их указанию жандармами у некоторых лиц, не дали никаких результатов. Не падайте, все же, духом, достопочтенный и предупредительный эскулап! Не унывайте и вы, услужливый сподручник голубой Фемиды! Авось со временем набьете руку, если до того не сломаете... шеи».

Стачки на Кавказе. Стачка началась в Баку 2 июля. 6-го было собрание у Волчьих Ворот, организованное Комитетом. 6-го и 7-го — собрания у «Стеньки Разина» и в Кишлах. Конка не шла 4—5 дней (а не 10, как писали в «Нов.»); затем пошла со штыками. В Баку не успели присоединиться к забастовке булочники, мясники, официанты и приказчики. В Тифлисе, наоборот, приказчики, мясники и часть хлебопеков (пурщики — 50 чел.) забастовали еще до общей забастовки в Тифлисе, которая началась по призыву Кавказского Союза [11] 14 июля. Пурщики (50 чел.) даже разнесли участок и освободили 5 арестов. товарищей; пристав, стрелявший в воздух при самообороне, был уволен за слабость в тот же день. Приказчики Караван-Сарая 8 дней под-ряд ровно в 8 часов вечера высыпали разом на улицу и закрывали все магазины. Впечатление от этого получалось грандиозное. Они добились своего. Официанты также получили: определенное жалование (10 рублей в месяц), квартиру и стол от хозяев, отмену штрафов и вычетов. Конка пошла 14 же июля, но только благодаря солдатам, которые и продавали билеты и охраняли вагоны. Вагон трамвая представлял в эти дни настоящую крепость: на каждом — 4—5 штыков. Надо удивляться невоспитанности публики, которая не оказала никакой поддержки стачечникам и не стеснялась ездить под штыками. Вообще стачка в Тифлисе была главным образом делом сочувствия бакинским стачечникам. Она продержалась очень недолго, и к концу недели начали приступать уже к работе, а в следующий понедельник работали уже почти все. Но как поддержка бакинцам, она во всяком случае достигла своей цели. Собраний не было, исключая утра 14 июля, так как масса войск, занявшая весь город, делала их невозможными. Печально следующее; центром забастовки в Тифлисе было железнодорожное депо с его 4—5 тыс. рабочих. И вот уже в среду-четверг часть рабочих депо начала приступать к работе, а в субботу их уже было больше 1½ тыс. И начали работу первые дни исключительно русские рабочие — печальный результат националистических заигрываний властей. В Тифлисе не стреляли, но били нагайками до остервенения: арестованных в участках приходилось выпускать, чтобы освободить место для новых; и вот их при этом пропускают «сквозь строй» казацких нагаек, расставленных с обеих сторон. Избивали жестоко мирных обывателей, принимая их за рабочих. Вообще террор был неописуем; полиция совсем сбилась с ног; городовым было разрешено сидеть на стульях на своем посту. Рассказывают про компанию приставов и надзирателей, которые заперлись и пьянствовали до утра, приказав никого не пускать к себе: «Чорт с ними! пусть делают, что хотят! — говорил один пристав из этой компании: — за 50—100 руб. посылают нас под пулю; чорт бы побрал это начальство!». Еще неделя таких беспорядков — и дисциплина подверглась бы большой опасности. Солдаты в большинстве хотели стрелять в воздух. На ст. Михайловка, как мне рассказывали со слов очевидцев, собралась небольшая толпа, всего человек в 150, и загородила полотно железной дороги. С ними вступил в переговоры инженер и уже почти убедил их разойтись; по его убеждению они послали рабочих для охраны водопровода, сберегательной кассы и проч. Видя, что толпа настроена мирно, инженер этот сказал рабочим, что он сам не может удовлетворить их требований, а сейчас даст телеграмму в Петербург. Он ушел на телеграф, взяв предварительно с пристава, командующего отрядом, слово не употреблять оружия. В это время подошел Боржомский поезд. Один из рабочих вздумал отцеплять паровоз. На него бросились стражники; к рабочему пришли на помощь еще пара рабочих. Завязалась борьба. Пристав приказал стрелять, и в результате — 36 чел. раненых и убитых; ранены все тяжело, почти безнадежно; ранены и убиты женщины в ближнем селе. Солдаты (их было чел. 40) почти все стреляли в воздух, но стражники усердствовали: один стражник уложил 7 чел.! Все страшно возмущены этим ненужным пролитием крови. Офицеры тоже возмущены. Одному бегущему офицеру его знакомый штатский кричит: «Бегите, бегите; авось еще орден заслужите!» — «Мне не надо орденов за такое позорное дело», — отвечает офицер. В Батуме забастовка началась 16 июля. Точных сведений о Батуме я не имею, но говорят, что там тоже стреляли. Около 18 июля началась забастовка в Чиатурском горном округе. По рассказам, рабочие шли там опустошительной волной, разрушая и предавая огню все на своем пути. Не знаю, насколько это верно, но, видно, много горечи и ненависти накопилось в душе чиатурских рабочих. В других местах применялось принуждение при остановках работ, но насилия над жизнью и имуществом почти не было. В г. Баку рабочие особенно держали себя корректно, и их поведению отдает должное даже буржуазия: рабочие сами охраняли промыслы и не тронули ничего, будучи полно-

властными хозяевами до прибытия войска. Любопытный, хотя и мелкий факт. Собрание рабочих близ больницы. Рабочие по телефону требуют от больницы, чтобы им приготовили воды для питья. Растерявшийся эскулап телефонирует властям, но те бессильны помочь ему. Нечего делать: вода приготовлена, и рабочие утоляют свою жажду. Рабочие потребовали даже, чтобы провели водопровод на место их собраний в Кишлах. Любопытно, что и обыватели находили это понятным: не могут же рабочие в самом деле заседать без воды! Только когда хозяева по приказу Плеве и Витте отвергли à limine все требования рабочих, начались поджоги промыслов. Но что рабочие в насилиях не переходили меры, видно из того, что сочувствие общества вообще осталось на их стороне. Несомненно печальны устроенные кем-то крушения поездов с человеческими жертвами. Кто их авторы, до сих пор не выяснено.

Как известно, по приказу Плеве нефтепромышленники отвергли все требования рабочих во время стачки. Но требования эти до того насущны, а рабочие до того сознательны, что не удовлетворить их нельзя. Лучшее доказательство — циркуляр Тов. Нобель, печатаемый ниже. Если в этом циркуляре и обходятся главные требования рабочих, то это не помешает им снова и снова встать перед гг. нефтепромышленниками, пока они не будут осуществлены. Вот этот циркуляр:

«Администрацией фирмы Бр. Нобель, для сведения всех служащих и рабочих, об'явлено следующее:

В течение почти четвертьвекового существования Товарищества Братьев Нобель оно принимало зависящие от него меры к возможному улучшению условий службы и быта рабочих. Правление Товарищества, с уверенностью в своей правоте, может сказать, что, как в установлении окладов платы рабочим, так и в устройстве домашнего их быта, оно шло всегда впереди других нефтепромышленных фирм. Помимо принятия общих мер, Товарищество всегда охотно отзывалось на просьбы и ходатайства отдельных рабочих, удовлетворяя их в пределах возможности.

В настоящее время, несмотря на то, что для пред'явления своих нужд рабочие избрали путь, не согласный с законом и не оправдываемый отношением к ним администрации Товарищества, ходатайства их рассмотрены и о результатах этого рассмотрения сим об'является рабочим.

1. Число праздников будет сокращено до нормы, утвержденной правительством; точное расписание всех праздничных дней в году будет вывешено для сведения рабочих.

2. Перед праздничными днями работы будут кончаться часом ранее.

3. Жалование будет выдаваться во время производства работ.

4. При командировочных работах будут выдаваться суточные деньги в зависимости от места командирования и окладов содержания.

5. В заводских и промысловых мастерских будут, в течение предстоящей зимы, устроены помещения, в которых рабочие будут иметь шкафы для хранения платья, кубы для горячей воды, умывальники для мытья рук и столы и скамьи для обеда рабочих, остающихся во время обеденного перерыва в мастерских. В тех же помещениях рано прибывшие рабочие могут ожидать начала работ.

6. Устанавливается постоянный комплект чернорабочих, которым будут выданы расчетные книжки.

7. Ученики заводских и промысловых мастерских будут зачислены в разряд рабочих; оклады же их заработной платы будут и впредь назначаться в зависимости от их способностей.

8. Закон о страховании рабочих и о способе вознаграждения их во время болезни и при увечьях уже утвержден правительством. На распубликование этого закона ожидается утверждение, уже разработанных с'ездом нефтепромышленников, уставов касс — больничной и страхования рабочих, после чего кассы будут немедленно введены в действие.

9. Что же касается до ходатайства рабочих об увеличении штата раз'ездных докторов и акушерок, о перевозке больных в рессорных экипажах, об учреждении библиотек-читален, народных домов, почтово-телеграфных контор с отделениями сберегательной кассы при них и об увеличении числа школ, то удовлетворение таких ходатайств, как общих для всех нефтепромышленников, будет произведено с известной постепенностью. Товарищество, с своей стороны, обещает содействовать, чтобы означенные ходатайства были Советом с'езда удовлетворены.

Дабы дать возможность рабочим законным путем заявлять о своих нуждах и ходатайствах, Товарищество испросило разрешение применить в своих заводах, мастерских и промыслах высочайше утвержденный 10 июля сего года закон об учреждении старост для рабочих.

Для выбора старост все рабочие будут разделены на разряды, и каждый разряд выберет из своей среды старосту, который явится посредником между рабочими своего разряда и местным управлением Товарищества по всем вопросам, касающимся условий найма и быта рабочих.

Выборы старост по правилам, утвержденным г. бакинским губернатором, будут произведены с 25 августа по 25 сентября, а с 1 октября старосты вступят в исполнение своих обязанностей.

Правила о старостах, по их отпечатании, будут вывешены для сведения рабочих.

Правление Товарищества бр. Нобель».

Некоторые итоги: в июльских стачках в Закавказьи принимали участие: в Баку — около 45 тысяч рабочих (с Балаханами), в Тифлисе — не менее 15 тыс., в Батуме и Поти — около 10 тысяч, на линии Закавказской жел. дор. — около 5 тыс. (Михайловка, Самтреди и окрестн.), в Чиатурском горном округе — около 20 тыс. (область марганцевой промышленности). Итого — около 100.000 стачечников. Кроме того, в Дзургетском и других уездах продолжаются забастовки крестьян, отказывающихся обрабатывать землю помещиков на старых условиях.

Корреспонденция в «Новост.» из Баку (перепеч. в «Нов. Вр.» от 24 июля) довольно верно обрисовывает картину. Сомнительно только, чтобы у «Стеньки Разина» было до 30.000 народу. По моим сведениям в самом многочисленном собрании в Кишлах участвовало 12, максимум 15 тысяч народу. Оно прошло очень беспорядочно. Правда, командир роты, стоявшей в Балаханах до прибытия войска из Тифлиса, в своем дневном рапорте докладывал о 40-тысячном собрании рабочих, но... у страха, как известно, глаза велики.

Майские дни в Вышнем-Волочке. В Выш.-Волоч. три хлопчатобумажных мануф.: две Прохоровских — на одной до 3½ т. раб. (так наз. «Тоболке»), на другой («Солдатке») около 900 раб., большею частью женщин, — и одна Рябушинского, где работает до 4.000 чел. Порядки на них издавна царят безобразные. Не довольствуясь «нормальным» рабочем днем, фабрики пускали паровую раньше, останавливали паровую позже, выгадывая ежедневно ¾ часа лишку. Расценки за последние годы постоянно понижали, ссылаясь на промышленный кризис. Штрафы драли беспощадно. С 1896 г. на Прохоровской фабрике штрафного капитала накопилось 16.000 руб., как это известно нам достоверно. Выдавая из него пособия, делали так: в книжку писали 10 руб., а выдавали рубля два—три. Штрафовали за неявку на работу по болезни, называя это «пьяными днями». Грабили рабочих на браковке, на товарах потребительской лавки, обмеривали на приемке ткани (от трех до семи аршин на куске). Отношение администрации к рабочим было подстать остальным порядкам. Директор Рябушинской мануфактуры Ганешин всего три мес. служит и уже успел снискать всеобщую ненависть. Мастер Степанов и директор Горожанский (Прохоров. мануф.) преследовали красивых работниц, «завели себе гарем на фабрике», по словам рабочих... Да, тяжело жилось вышневолоцким товарищам, а со времени большой стачки в первой половине 90-х годов ни одна попытка борьбы не потревожила покоя хозяев и властей, разве иногда единичный арест (напр., рабочего кожевенного завода Кириллова в январе 1903 г.) будоражил порядок. Теперь настают иные времена.

В конце апреля Тверской Комитет имел сведения, что в Волочке «неспокойно». В ночь на первое мая он распространил там свыше 500 шт. майских листков. Они произвели сильное впечатление. «На улицу!» раздалось на всех

фабриках, и 8.000 чел. бросили работу, выставив требования: 1) девятичасовой рабочий день, под праздник восемь час.; 2) повышение заработка на 20%; 3) отчетность в штрафном капитале; 4) устройство библиотеки при фабриках и нек. др. Забастовали замечательно выдержанно и спокойно, требования вырабатывали сообща на площади перед фабрикой. Прилетели власти: фабричный инспектор, прокурор, губернатор и переведенный сюда из Москвы жандармский полковник Уранов. Губернатор обратился к рабочим и предложил выбрать депутатов для переговоров. Никто из рабочих не снял шапки; выбрать депутатов они также отказались: «говори со всеми» — и прямо из толпы высказали свои требования. Уранов попробовал взять рабочих лестью. Когда те с ним заговорили, он похлопал близстоящих по плечу и сказал: «знаю, братцы, сам был рабочим» — и рассказал, как-де они, благодетели, раскрыли обмеривание. Среди рабочих раздавались голоса: «Жандармский нам-де друг». Но ненадолго удалось их ему обморочить. Стачечники продолжали держаться вполне спокойно, но губернатор нашел нужным вызвать войска. 4 мая прибыли целых шесть рот под командой полковника Тарль. С своей стороны, Комитет поручил одному товарищу собрать сведения о ходе стачки, передав забастовщикам некоторую сумму денег, и помочь указаниями. Товарищ этот был на сходке выборных, был среди стачечников и вынес прекрасное впечатление. Самые «серые» рабочие зашевелились.

6 мая губернатор вывесил об'явление, что рабочие должны получить расчет. Об'явления срывались или заклеивались майскими листками на виду у солдат; но, по решению сходки выборных, за расчетом рабочие не пошли. Стали выгонять из хозяйских квартир; пригрозили высылать по волостям, но рабочие опять не сдались. Властям пришлось прибегнуть к полумере: вызвали в Волочок старост для вручения паспортов и денег. Арестовали 14 человек, но, боясь сопротивления, жандармы шли на добычу не иначе, как под охраной взвода солдат. Небывалое еще зрелище представлял Волочок в эти «майские дни». С утра до вечера массы рабочих толпились на площади. Кругом солдаты; по всему городу патрули, останавливающие прохожих; настроение рабочих удивительно твердое, боевое: «Не сдадимся, будем бороться до последней крайности». 8 мая Комитет распространил в Волочке листки, в которых поддерживал требования стачечников и требовал удаления с фабрики полиции и жандармов. Прокламации подоспели очень кстати и поддержали настроение.

С 8 же мая Прохоров пошел на уступки, сначала мелкие: прибавил полчаса на завтрак, час на чай. Стачка продолжалась. Тогда 14 мая он вывесил новые уступки: повысил расценки процентов на 15, обещал свободно давать рабочим отпуски, перед праздниками кончать не в десять часов, а в шесть. Но прядильщики уперлись, требуя платы за сбавленные часы. 14 же мая среди рабочих появились вторично прокламации Тверского Комитета. 18-го Прохоров удовлетворил последнее требование, и 19-го фабрика пошла. Особенно сговорчивым сделало его то обстоятельство, что большая его фабрика около ст. Подсолнечной тоже стала по недостатку пряжи (его вышневол. бумагопрядильня работает на все его фабрики). Рябушинские сдались 14-го — и выиграли пустяки: повышение заработка на 5% и обещание штрафовать только за явные прогулы.

По новым известиям, об'явление об уступках, сделанных Прохоровым, провисело недолго. Вскоре оно было сорвано, и рабочим об'явили: «Никаких уступок вам не будет». Добавим, что об'явление это было подписано фабричной инспекцией. Возмущенные, они пробовали бороться, бросили 22 числа работу. Но лишения стачки уже надорвали их силы. До какой степени лишения эти были велики, — видно из того факта, что среди стачечников были случаи цынги. Через день они опять стали на работу. Наглым обманом вырвали на этот раз у вышневолоцких рабочих плоды их победы. Но придет час новой схватки, и они сумеют отстоять свои права... (По последним известиям требования рабочих на Прохоровской фабрике удовлетворены.)

Стачка прошла при полном сочувствии обывателей, даже полиции. Одному товарищу на улице пришлось услышать рассказ солдата, вернувшегося с «усмирения». Солдат находит, что рабочие правы, что они так мало зарабатывают, что жить не на что. Это отношение можно считать общим. Несколько дней стачка в Вышнем-Волочке была положительно злобой дня.

Тверской Комитет Р. Соц.-Дем. Раб. Пар.

Иваново-Вознесенск. 2 июля у нас произошла стачка на механич. чугуно-литейном заводе Калашникова. Причины стачки — понижение расценок почти на четверть и требования рабочих выдать им расчетные книжки с тем, чтобы ежедневная выработка записывалась каждый день. Дело в том, что работают литейщики (всего 70 человек) преимущественно мелкую работу и, если не записывать аккуратно, то возможно обсчитывание, которое и практиковалось до сих пор. Требовали увольнения табельщика; стояли всего один день, и первые два требования удовлетворили, третье — нет. Хотя рабочие вели себя спокойно, тем не менее были вызваны казаки, которые вели себя настолько вызывающе, что дело чуть не дошло до свалки. Повидимому, Витте еще не успел убедить М. В. Д., что стачка не есть нарушение общественного порядка.

Из достоверных источников мы узнали, что называющий себя Алексеем Павловичем Князевым маляр, лет тридцати, рост — выше среднего, шатен, — шпион, и предостерегаем от него всех иваново-вознесенских товарищей. Прежде он назывался Тимофеем.

Северный Союз [12].

Рига. В нашем городе насчитывается до 70 тыс. рабочих фабричных и ремесленных; большинство их, до 60 тыс., занято в крупном производстве. Преобладающим элементом являются латыши — 50%, затем русские — 15% и литовцы — 15%. Остальное количество 20% распределяется между евреями, поляками, эстонцами и другими мелкими национальностями, при чем еврейский пролетариат исключительно принадлежит ремеслу. Эти массы пролетариата очень мало, сравнительно, затронуты социал-демократической агитацией. Крупных проявлений движения в нашем городе почти не было, если не считать известных беспорядков 1899 г., носивших стихийный характер. Во второй половине девяностых годов группой местных студентов велась довольно широкая агитация среди русского и литовского пролетариата. Устраивались собрания до 200 человек, усиленно распространялась литература и подготовлялся ряд стачек, но неорганизованность работы, с одной стороны, провокация и шпионство, — с другой, не дали сколько-нибудь окрепнуть движению. Громадные провалы, следовавшие один за другим, вырывали всех сколько-нибудь заметных деятелей как среди рабочих, так и интеллигенции. Одновременно с этим шла работа латышских социалистов, носившая до некоторой степени полулегальный характер. Деятельность латышей также закончилась полным провалом. Разгром тогдашних социал-демократов был настолько силен, что от них не осталось ни малейшего следа. На несколько лет революционная деятельность в нашем городе была совершенно уничтожена, и до нас дошли только отрывочные легенды о наших предшественниках. Латышским товарищам вскоре удалось восстановить связи с рабочими, и вот уже около четырех лет среди латышского пролетариата ведется непрерывная работа. Силы латышской организации постепенно росли, и в 1902 г. они уже выступили как самостоятельная партия с самостоятельным заграничным представительством. В настоящее время эта организация является самой сильной в нашем городе, но, к сожалению, деятельность ее тормозится некоторым организационным национализмом. Ограничивая до самого последнего времени свою агитационную и организационную работу исключительно латышскими рабочими и совершенно не затрагивая рабочих других национальностей, латышские товарищи не могли приобрести сильного и прочного влияния на местный пролетариат. Сознательные латышские рабочие держатся особняком и не выказывают никакого стремления распространить свое влияние на рабочих других наций. «Латыши не хотят с нами разговаривать, — говорят русские рабочие: — брезгают нами, говорят: темный народ». Массовая агитация

ведется только на латышском языке, и листки остаются совершенно непонятными и чуждыми нелатышской массе.

Другая местная социал-демократическая организация—«Бундовский Комитет» — первое время своего существования была занята постановкой движения среди местных еврейских ремесленников. Овладев передовой частью еврейского пролетариата, Бундовский Комитет попытался выйти на путь массовой агитации и активной борьбы. Распространением листков и устройством массовых собраний ему удалось вызвать в еврейском пролетариате революционное настроение; использовать же это настроение он оказался не в состоянии: еврейский пролетариат, вследствие своей малочисленности, не представляет из себя силы, которая могла бы повести самостоятельную борьбу. Замкнувшись в узких рамках национальности и охватив в них своим влиянием более годные элементы, Бундовский Ком. не пошел со своей агитацией в более широкие и совершенно не затронутые слои местного пролетариата; накопившаяся в передовых слоях еврейских рабочих революционная энергия, не находя себе иного выхода, стала проявляться самым ненормальным образом, принимая по временам формы мелкой террористической борьбы.

Но все же существование и деятельность бундовских комитетов были более заметны по сравнению с другими местными организациями, главным образом потому, что радикальная еврейская молодежь, более многочисленная и подвижная, популяризировала движение еврейского пролетариата устройством вечеринок и чтений, посещаемых еврейскими рабочими. Среди еврейской и даже общегородской интеллигенции Бунд. Комитет вызвал на время некоторое оживление; интерес и сочувствие местного общества особенно повысились после мартовской театральной демонстрации этого года, где еврейские рабочие и молодежь представляли преобладающий элемент. Но и эта волна оживления, вызванная организацией, не опиравшейся на сколько-нибудь значительный слой местного пролетариата, прошла совершенно бесследно для широких рабочих масс, значительная часть которых попрежнему оставалась совершенно в стороне от работ наиболее сильных местных организаций.

После оживления и провала 1890 г. соц.-демокр. работа среди русского пролетариата совершенно прерывается на несколько лет. Все, что сохранилось в студенчестве лучшего, было вырвано в последующие годы студенческих волнений; приток свежих сил был уничтожен закрытием доступа в здешний политехникум неместным уроженцам. Здешнее же русское общество и интеллигенция, за малыми исключениями, состоит сплошь из чиновничества, совершенно неспособного выделить активные силы. Русский и литовский пролетариат был предоставлен в полное распоряжение местной бюрократии, деятельно занявшейся развращением рабочих в чайных, театрах и пр. «просветительных» учреждениях попечительства о народной трезвости.

В 1901 г. начинают замечаться некоторые признаки оживления. Начинают возникать читательские кружки, интеллигентские кружки появляются, лопаются, снова восстанавливаются; каждый действует совершенно самостоятельно; одним словом, начинается период брожения среди части интеллигенции. Весь этот процесс совершенно не затронул рабочие массы. Интеллигенты в своих кружках спорили, волновались, соединялись и раз'единялись, а массы попрежнему работали на фабриках по 12 часов в день и попрежнему «просвещались» попечительной бюрократией.

В 1903 г. начинается оживление. В двух кружках, влачивших жалкое существование, приливают интеллигентные силы, устанавливаются связи с русскими рабочими двух крупных заводов, где начинается оживленная кружковая работа. Вместе с тем завязываются связи в местном студенчестве и интеллигенции. В марте 1903 г. после долгих переговоров во вторую группу входят члены первого кружка, и таким образом прекращается существование двух русских групп. В дальнейшем удается завести связи на нескольких других фабриках и среди русских ремесленников. В настоящее время связи имеются на пяти заводах, где функционирует шесть кружков, охватывающих до 30 человек рабочих. Более сознательные рабочие имеют, кроме того, собственные небольшие кружки по два, по три человека. Количество таких агитирующих рабочих достигает 30—35 человек. Кроме рабочих, имеются два интеллигентных кружка, в которых ведутся чтения по программным, организационным и тактическим вопросам. В настоящее время перед группой стоит вопрос об организации, на разрешение которого направлены все ее силы.

Саратов. Благодаря первомайским арестам, а также другим причинам, ослабившим состав местного соц.-дем. Комитета, последнему пришлось отказаться на время от массовой агитации с помощью листков и прокламаций, которую он вел в течение зимы, и заняться внутренней организацией. Этот период затишья дал повод некоторым лицам обвинить Комитет в бездеятельности, в результате чего появилась попытка создать «свои собственные», отдельные группы. В течение лета Комитету удалось однако вновь собрать около себя некоторые силы, возобновить связи, сорганизовать рассеявшиеся-было кружки и восстановить прежнюю технику, причинившую столько хлопот местной администрации. Вместе с тем, со стороны некоторых «раскольников», главным образом — рабочих, стало наблюдаться стремление к слиянию с Комитетом.

За последние три года, под влиянием деятельности Комитета, выработался слой более или менее сознательных и горячо преданных делу рабочих, которые, с одной стороны, жаждут дела, а с другой, не менее страстно стремятся к научному соц.-дем. знанию. К сожалению, Комитет часто чувствует себя бессильным удовлетворить и той и другой потребности. Нет брошюрочной литературы для массового распространения и нет достаточного числа опытных пропагандистов. Состав последних большею частью временный, наезжий и из местных сил почти не пополняется. Недостаток пропагандистов могла бы заменить научная соц.-дем. литература: сочинения Маркса, Энгельса, Каутского, Лассаля и т. д., но и той абсолютно нет и нет. Отсутствие ее Комитет пытается иногда пополнить своими домашними средствами, так, напр., издал недавно на мимеографе «Коммунистический Манифест» в 200 экземплярах, но каковы могут быть плоды такой кустарнической деятельности, понятно каждому. Рабочих уже далеко не удовлетворяет литература профессионального содержания, и крайне необходимы популярные брошюры, трактующие как об основах соц.-дем. теории, так и об общих политических вопросах русской жизни: о податях и налогах, о государственном механизме, о местном самоуправлении, о финансовой политике, о духовенстве, по истории русского революционного движения и т. д. Необходима и популярная соц.-дем. газета. Все это насущные, наболевшие вопросы. Необходимость скорейшего об'единения в партию, не в теории только, но и на практике, для нас, провинциалов, более, может-быть, ощутима, чем для кого другого.

Отголоски южных событий долетели до нас и на значительную глубину всколыхнули рабочую массу. В последнее время Комитет прямо-таки завален обличительными письмами рабочих. Чуть не ежедневно Комитет выпускает листок на тот или другой завод. Во главе всех требований рабочие выставляют 8-часовой рабочий день. Наиболее горячие из них упорно носятся с мыслью о всеобщей стачке. Оживлению этому способствует и невыносимо тяжелое положение рабочих, созданное фабрикантами на почве кризиса.

На-днях в Саратове произошел случай, лишний раз свидетельствующий, что правительство наше, преследуя своих врагов, не останавливается ни перед чем, даже перед святотатством. Хоронили политического ссыльного И. Д. Грачева. Проводить покойного собралось человек 50 его товарищей и знакомых. На гроб его был возложен венок, причем вполне легальная надпись «От товарищей» была сделана на красной ленте. Последнее обстоятельство, т. е. красный цвет ленты, и взбудоражил саратовскую полицию. Когда похоронная процессия проходила по обширной Московской площади, ее догнала ватага околоточных с приставом второй части Лебедевым во главе, и последний стал нагло требовать — снять ленту. На вопросы возмущенной публики, на чем основано такое нелепое требование, пристав отказался дать об'яснения, говоря лишь с идиотски многозначительным видом: «Мы знаем, кто вы такие и в чем тут дело». Товарищи покойного наотрез от-

казались снять ленту и пытались продолжать путь; тогда мерзавец-пристав задержал катафалк, и по его приказанию один из околоточных, бывший прежде шпионом, сорвал ленту и унес (околоточный этот в тот же вечер был жестоко избит рабочими в общественном саду). Затем прискакал помощник полицмейстера и без дальнейших рассуждений приказал переписать всех. На кладбище процессию встретили пять конных казаков, которые вместе с полицией окружили могилу, пока зарывали покойника. Затем от присутствующих отобраны были фамилии. История эта среди рабочих вызвала сильное негодование.

Саратовский Комитет.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЫБОРЫ В ГЕРМАНИИ *.

Семь часов вечера, 16 июля. Выборы начались, идет подсчет голосов. Берлин. Дом типографии и экспедиции главного органа партии — «Вперед» [13]. Двор полон велосипедистами. Слышится лишь глухой шум: напряженные нервы не позволяют громко разговаривать. В редакцию собираются известия со всей Германии, и их нужно сообщить товарищам, десятками тысяч наполнившим 40 зал в разных местах Берлина. В комнате для совещаний весь редакционный штаб и правление партии — Бебель, Гериш, Пфаннкух (Ауэр и Зингер больны). В Берлине шесть округов. Свободомыслящие хвалились завоевать четыре: для второго были уже заготовлены воззвания, зовущие к перебаллотировке, их кандидат уже заказал себе визитные карточки с титулом: «Депутат рейхстага», борьба велась ожесточенно и вдруг... пять округов взято сразу социал-демократами с громадным приростом голосов: в одном шестом округе, в котором в 1898 году Либкнехт получил 58 000 голосов, теперь 78 000, — на 20 000 больше; лишь в первом — самом богатом — свободомыслящий попал в перебаллотировку с социал-демократом. Берлин принадлежит социал-демократам! Весь дом дрожит от бесконечных криков «ура»; редакторы лихорадочно работают с искрящимися от радости глазами, рабочие на дворе со слезами восхищения обнимаются, поздравляя друг друга с победой. Начало обещает многое! В одном только Берлине прирост в 60 тысяч голосов! Сегодняшней ночью не до спанья. Буржуазные газеты будут иметь возможность опять шипеть о «терроризме» социал-демократов, заставляющих работать ночью в партийной типографии. Редакция приготовила экстренный листок; дрожа от волнения, принимаются наборщики за работу, подбадриваемые прибывающими известиями о новых и новых победах, подгоняемые не терроризмом надсмотрщиков, а мыслью о тысячах товарищей, ждущих с лихорадочным нетерпением сообщения результатов столкновения старого отживающего мира с новым грядущим! Половина третьего: первые проблески наступающего утра, а рестораны все еще битком набиты народом. Вот в один врывается, с первым утренним номером «Вперед» в руках, рабочий. «На стол его, на стол! Победа! Победа! Страна наша и весь свет принадлежит нам!» Детская радость овладевает всеми. Эти мертвые цифры так много говорят исстрадавшемуся пролетарскому сердцу, открывают перед взорами такие широкие горизонты, сулят близкое освобождение, зовя к новой борьбе, давая чувствовать свою силу и необходимость еще большей солидарности с товарищами, демонстрируя пользу и необходимость еще большего единства, централизации и дисциплины: ведь задачи так велики, а враги еще так сильны, и время последней схватки приближается! «Вперед» пишет: «Наша победа превзошла самые смелые ожидания, а успех в Саксонии прямо сказочен!». Все большие города предоставлены социал-демократам, прирост голосов во всех очень значителен, вопреки уверениям буржуазной прессы, что в городах социал-демократия уже достигла максимума своего развития; в округах с сельским населением — Мекленбург, Бавария и особенно в Восточной Пруссии — громадный прирост голосов: в Саксонии не выбран ни один буржуазный кандидат, пять попало в перебаллотировку, социал-демокр. выбрано 18, голосов за соц.-дем. подано на 150 000 больше, чем за все буржуазные партии вместе; агитация Вильгельма и Бебеля на Рейне не пропала даром: число социал-демократических голосов с 189.000 возросло до 346.000, и в нескольких округах соц.-дем. впервые попали в перебаллотировку. Главные выборы дали социал-демократам 3.025.000 голосов (2.117.000 в 1898 году), 56 депутатов и 118 перебаллотировок. Настроение социал-демократической прессы и рабочих масс во всем государстве восторженное, буржуазной прессы — растерянное и подавленное: призрак коммунизма превратился в суровую беспощадную действительность с необходимостью естественного процесса, грозно надвигающегося на буржуазный строй; неудержимый рост победоносного пролетарского движения, сила натиска которого увеличивается пропорционально препятствиям, обостряет классовые противоречия, — приближается время, когда пролетариату придется выступить в бой вооруженным не одними билетиками для голосования. Консервативные органы, раздраженные особенно провалом трех главных вожаков крайних аграриев из «союза сельских хозяев», рвут и мечут, обвиняют правительство, не сумевшее твердой рукой подавить социализм и не давшее общего пароля против него: они рекомендуют крайние меры: изменение избирательного права, распущение рейхстага и новые выборы и заклинают все партии голосовать при баллотировках против социал-демократов, забыв на время все свои раздоры. Национал-либеральные органы, под первым впечатлением признавшие было громадное значение победы социал-демократов, уверяют, что все обстоит благополучно. Органы центра стараются быть довольными: неважно, что центр не завоюет новых мандатов, старые он авось все удержит, католицизм один в состоянии противостоять натиску социалистов и является отныне в Германии главным оплотом монархии, религии и всего современного строя; для перебаллотировки главный орган центра не давал общего пароля, предоставляя каждому округу решить, кого из кандидатов считать за меньшее зло. Правительство вмешалось в борьбу открыто: министр Посадовский приглашал главного вождя центра на совещание и, когда тот отказался приехать, ссылаясь на занятость партийными делами, сам поехал к нему в Лейпциг, центру обещалось согласие правительства на допущение

* В дополнение к сообщенным уже нами результатам германских выборов помещаем картинку выборов, опоздавшую, к сожалению, по недостатку места.

иезуитов в Германию, лишь бы голосовал везде против социал-демократов; увещания министра не имели желаемого успеха: центр, чувствуя свою силу, хотел показать ее и своим врагам нац.-либералам, голосовавшим всегда против допущения иезуитов; пароль центра украсился лишь прибавкой: «ни в каком случае за социал-демократов», в некоторых округах (Мюнхен I, Бохум, Дартмунд и др.) центр воздержался от голосования, и эти округа были потеряны нац.-либералами в пользу социал-демократов. Буржуазная левая — свободомыслящие, — не получившие в главных выборах ни одного мандата, сваливали всю ответственность за поражение на соц.-демократов: ее тактика ожесточенной борьбы против всех фракций без разбора привела к вытеснению из перебаллотировок кандидатов левой, поставив против реакционеров социал-демократов, а так как трудно допустить поддержку социал-демократов свободомыслящими избирателями, — то округа перейдут в руки реакции; благодаря социал-демократам в новом рейхстаге опять будет реакционное большинство, да еще раздраженное усилением социал-демократов, которое вынуждено будет принять меры к ограничению народных прав. Тщетно доказывала социал-демократическая пресса цифровыми выкладками, что левая может превратиться в большинство,— пусть лишь свободомыслящие голосуют сообразно своей программе против реакции в тех 40 округах, где социал-демократы стоят в перебаллотировке с реакционерами; тщетно указывала она, что способ действия либералов является политической кастрацией; тщетно некоторые свободомыслящие политики выступали против тактики вождя Рихтера, губящего либеральную оппозицию, — ничто не помогло; главные органы свободомыслящих агитировали за реакцию. Призрак социальной революции, ужасными красками размалеванный вождями, заставил свободомыслящих спасаться под знамена реакции, борьба с которой является по программе первой обязанностью либеральной оппозиции: больше чем в 30 округах свободомыслящие не сочли возможным даже воздержаться от голосования, а голосовали прямо за отчаянных реакционеров и провалили социал-демократов. И отлично, что наконец буржуазная демократия скинула маску, показав, что народу нечего больше ждать от нее, доказав, что отныне единственной носительницей не только идеалов будущего, но и самых элементарных либеральных принципов является социал-демократия. Этот урок послужит также хорошим лекарством для окончательного выздоровления социал-демократии от бернштейнианских бредней о притуплении противоречий, постепенной демократизации современного строя, об общности задач с буржуазной левой и необходимости слияния с ней для борьбы с реакцией. Треть взрослого населения Германии, 3.000.000 пролетарских голосов, одобрили тактику социал-демократии, основанную именно на непримиримости со всеми другими партиями. Из 118 перебаллотировок социал-демократы завоевали лишь 25 мандатов и явятся в новом рейхстаге в числе 81 человека — второй по силе партией; центр потерял пять мандатов социал-демократам (в Рейнской провинции) и полякам (в Силезии), порвавшим при выборах с центром и выставившим кандидатов с приличной демократической программой, и имеет всего 101; национал-либералы [14] потеряли своего вождя Бассермана [15] и вице-президента прошлого рейхстага Бюзинга, но остаются при своих 52 мандатах; консерваторы потеряли много мест социал-демократам, но выиграли у свободомыслящих, остаются при прежних 72 мандатах; теряют в местах свободомыслящие (в перебаллотировке прошло 37), крайние аграрии 4 и антисемиты три места; в общем состав рейхстага менее реакционен, чем прежде, и, благодаря усилению на 23 человека соц.-дем., обладает довольно сильным оппозиционным меньшинством. Борьба за торговые договоры и против новых налогов на милитаризм, проектируемые уже правительством, обещает быть жестокой, тем более, что еще предвидится дальнейший прирост социал-демократических депутатов, вследствие неизбежной кассации многих выборов в округах, где буржуазные партии позволяли себе влиять на выборы противозаконными средствами.

Католические попы, как и при агитации перед выборами, очень умело пользовались своим положением духовных отцов: билетики с именем кандидата центра всовывались перед входом в помещения для выбора избирателям, и зорко следилось, чтобы этот билетик попал в урну; угрозы лишить причастия, угрозы бойкотом играли и тут большую роль. Всевозможные хитрости употреблялись, чтобы узнать, кто голосует за социал-демократов: роль урн играли иногда маленькие ящики из-под сигар, в которых билетики не могли перемешиваться, и вследствие этого из листа избирателей легко было там найти всех социал-демократов, следя лишь, кто после кого выбирал; иногда даже прямо вскрывались потихоньку конверты с билетиками, подглядывалось при вложении билетика в конверт; несмотря на обязательное постановление нового закона об устройстве повсюду особых изолированных помещений для урн, где голосующему вполне обеспечено тайное голосование, не везде таковые были устроены; при баллотировках во многих местах весь административный механизм оказывал давление на избирателей: в официальных об'явлениях, призывающих к перебаллотировке, агитировалось самым бесстыдным образом за буржуазного кандидата, и грозилось, в случае наличности соц.-демократических голосов в данном месте, расправиться по-свойски. Характерно следующее об'явление: «Избиратели! В нашем округе перебаллотировка между консерватором и потрясателем основ—социал-демократом. Наше местечко должно смыть с себя позор, что за сволочь соц.-дем. было подано много голосов; требую при сем, чтобы собирающиеся голосовать опять за соц.-дем. уплатили лишь прежде свои долги, а то я взыщу судом. Старшина (такой-то) общины». «Вперед» недоумевает только, каким путем собирается старшина узнать, кто из его должников голосовал за соц.-дем., и прибавляет: «Спасибо старшине: он за нас агитирует, напоминая о нашем чудесном строе и способах защиты частной собственности».

Саксония в перебаллотировке прибавила еще четырех соц.-демократов и представлена в рейхстаг 22 социал-демократами и одним антисемитом Греефе, последним из могикан саксонской буржуазии, понявшим уже всю ответственность своего высокого положения и вступившим уже в корреспонденцию с королем, приветствуя его от имени оставшихся верными саксонских сердец. В прокламации к своим избирателям Греефе благодарит их за спасение чести Саксонии и призывает божье благословение на округ — «крепость, из которой отечество снова

будет завоевано для христианства и монархии». Король телеграммой поздравил Греефе с победой доброго дела в его округе.

Впервые разрешено было и женщинам соединиться в союзы на время предвыборной агитации: в Берлине союз в 900 женщин, в других местах женщины меньшими группами и в одиночку работали, не отставая от мужчин, на пользу социал-демократов. В округах, где центр — сила, им особенно досталось: циничная ругань и обращение, побои, в одном месте даже плевки в лицо и потом фотографирование, чтобы распространением карточки оплеванной опозорить ее и отпугнуть других — вот средства борьбы буржуазии.

Неутомимость в борьбе наших немецких товарищей прямо поразительна: уже в день перебаллотировки, 25 июня, было выпущено воззвание, призывающее к началу немедленной агитации к выборам в Саксонский ландтаг (местный парламент), имеющим быть осенью, а прусские товарищи уже снаряжаются к бою в октябре к выборам в свой ландтаг. С такой армией можно одерживать победы! «Что же теперь?». Каутский в своей статье под этим заглавием предсказывает близкую окончательную победу социализма в Германии, Бебель в одной из своих речей, обращаясь к противникам, восклицает: «Государство будущего не за горами! Социалистический строй ближе, чем вы себе представляете!». По выражению Каутского, соц.-дем. в Германии «до 20 февраля 1890 года боролась за признание ее равноправной партией. С того дня — чтобы стать силой. 16 июня 1903 года открыла борьбу за власть!»

[Свиягин А. Попов].

ИЗ ПАРТИИ

Следующие местные революционные листки были изданы за май-август: Николаевским Ком.: (июнь) № 9 николаевской рабочей газ. «Наше Дело», содерж.: 1) о правительственной политике, 2) стачки на французском и черноморском заводах,. 3) парламентские выборы в Германии, 4) аресты и приговоры, 5) из мастерских, 6) май в России, 7) Тифлис, Баку, Варшава. — Донским Ком.: 1) 13 июля «К работницам табачной фабрики Асмолова» (о неблаговидном поведении управляющ.), 2) 16 июля «К рабочим жел.-дор. мастерских» (призыв к организации), 3) 18 июля «К рабочим жел.-дор. мастерских» (призыв к стачке, по примеру Баку и Одессы), 4) 22 июля «К рабочим и работницам Ростова и Нахичевани» (о Бакинских, Тифлисских и Одесских стачках), 5) 8 июля «Как издаются законы в свободн. государстве». — Киевским Ком.: 1) 25 мая «О зубатовцах в Киеве», 2) 27 мая «Памяти Логвинского» (некролог). — Кавказским Союзн. Ком. (май): второй листок общ. приложения к газетам «Пролетариат» (армян.) и «Брдзола» («Борьба» — грузин.), теперь назв. приложением к газ. (общей) «Борьба пролетариата».— Бакинским Ком. Союза (май—июнь): два листка «Ко всем рабочим» (призыв к общей забастовке). — Тифлисским Ком. Союза (май—июль): 1) «Ссылаемые товарищи», 2) об убитом Баграте Галустове (во время столкновения 1 июля на вокзале), 3) «О вокзальном столкновении» (1 июля), 4) «Всеобщая стачка в Баку», 5) «О всеобщей стачке 14 июля в Тифлисе». — Сибирским Союзом (июнь): о тайн. цирк. Куропаткина (военн. мин.). — Томским Ком. Союза (июль): 1) листок № 39 — о столкновении 6 июля с полицией, 2) в июле 1903 г. печатную прокламацию о том, что он приступил к созданию в Томске боевой организации, как подчиненного органа Комитета. Название боевой организации определено в прокламации неточно («об'единение местных революционных сил для активной политической борьбы» — такое об'единение является целью самого Комитета в целом, а не одной из подчиненных ему организаций); из 14 пунктов устава этой организации 8 не опубликовано по конспиративным соображениям; некоторые пункты странно видеть приуроченными именно к боевой организации (признание программы, участие в собраниях и т. п.). Вообще устав томской боевой организации вряд ли можно признать удачным, но идея томских товарищей безусловно правильна. Мы, действительно, должны заранее готовиться к организованному руководству демонстрациями, заранее пытаться распределить роли и средства. Возможно, что в некоторых случаях и опубликование о создании такой организации способно принести пользу партийному делу. — Екатеринославским Ком. выпущены: 1) «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава» (о «всеобщих» забастовках на Юге), 2) листок с таким же заголовком (описание Екатеринославской забастовки).—Пермским Ком. (июнь) — № 4 «Рабочего Бюллетеня»: 1) об убийстве Богдановича, 2) хроника железнодорожного депо. — Воронежской Кассой Борьбы (5 августа) — о всеобщих стачках на Юге. — Гомельским Ком. Бунда (июль): «Чудеса в Сарове и всеобщая стачка». — Воронежским Ком. (не надо смешивать с Воронежской «Касс. Борьбы»): «Ответ группе, назыв. себя Орг. Ком.» и «Искре» на их заявления в № 36 газеты «Искра». — Костромским Ком. Союза (1 июня): «Ко всем костромским рабочим» (по поводу костромской забастовки-демонстрации). — Одесским Ком. выпущены: 1 июня — «Что такое политическая свобода», а в июле — целый ряд листков к забастовке-демонстрации и по поводу нее: 1) «К рабочим-забастовщикам г. Одессы», 2) «К рабочим и работницам г. Одессы» (во время забастовки), 3) «Известия о стачках в Одессе» (о ходе забастовки), 4) еще «К рабочим и работницам г. Одессы», 5) «К рабочим и работницам г. Одессы»— о «независимых», 6) «К портовым рабочим». — Донским Ком. Р. С.-Д. Р. П. изданы в июле прокламации: 1) к работницам табачной фабрики Асмолова, 2) к рабочим жел.-дор. мастерских (две), 3) к рабочим и работницам Ростова и Нахичевани и 4) как издаются законы в свободных государствах. — Бакинским Ком. Партии: «Ко всем рабочим». — Тифлисским Комитетом по поводу всеобщей забастовки.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

С.-Петербург. Лепешинский, Радченко, Рерих, Петерсон сосланы до приговора в Восточную Сибирь, рабочие Тараев и Шишков в Вологодскую губ. Освобождены: Зиновьева, Иорданский, Голькинд, Шнеерсон. В Архангельск сосланы до приговора: Хмелевцев, Чеботарев, Шипулинский и некот. др. — Тверь. Здесь в ночь с 12 на 13 августа был большой (небывалый) набег. Пока известны следующие фамилии (о рабочих совсем нет сведений) арестованных: бывш. студ. Костецкий, Казанский, Ратман (выпущен), Соболевский, Митягин, бывш. курс. Потоцкая, Мечникова, Буш, Леерганд, Андреев (интелл.), Рагозин. Обыски у земских служащих: Харизоменова, Федулова, Борисова, Слухавского, Куняева, Антипова; врачей: Эллентарка, Выслухи, Абрамовича, Корменевского, провизора Петрова; Абкнера (б. ст.), Сергеевского, Томиловой, Модестова (служащего контрольной палаты), Зеликсон, Серговского, Рагозиной, Егорова (раб.), Кугушева и др. Искали печатных принадлежностей. Было много усердия, не очень много результатов. Комитет цел. В течение целого дня шарили у либерала Апостолова, но совершенно неуспешно. — Ковно. Здесь была голодовка в тюрьме, продолжавшаяся 7 суток; голодало 37 человек, все находящиеся в тюрьме. Некоторые требования были удовлетворены. Многие очень слабы. — Екатеринослав. В первых числах августа арестовано 9 человек (вероятно, имеются в виду аресты, бывшие в конце июля).

Киренск. Задержаны бежавшие на Пасху из Алекминска Камермахер и Вольфсон (предполагается, что будут высланы в Колымск).

———

Ростов. В дополнение к сообщению в № 47 «Искры» о предполагающемся военном суде над участниками демонстрации 2 марта, в настоящее время вполне подтверждающемуся об'явленным по войску приказом наказному атаману Плеве — об открытии с 14 августа временного военного суда по этому делу в Таганроге, приводим фамилии 23 подсудимых-демонстрантов:

Мария Нагель, Александр Браиловский, Василий Поляков, Розалия Локерман, Анна Логачева, Николай Полтава, Соломон Борухов, Самуил Столкарц, Фекла Чумаченко, Александр Христенко, Никифор Ильницкий, Петр Векленко, Авраам Миндлин, Спиридон Логвинов, Константин Глазунов, Татьяна Кисьянцева, Андриан Куксин, Николай Дрожжовкин, Антон Бондарев, Семен Васильченко, Андрей Бутурлимов, Василий Кривошеев, Дмитрий Колосков.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Приговор военного суда в Таганроге.

Настоящий номер был уже готов, когда мы получили известия о приговоре военного суда над ростовскими демонстрантами. Ко времени выхода следующего номера мы будем иметь, конечно, более подробные сведения об этом деле. Теперь же спешим довести до сведения наших читателей то немногое, что сами знаем: два наших товарища приговорены к смертной казни, десять осуждены на разные сроки в тюрьму и каторгу. Российский сознательный пролетариат не забудет этого нового преступления царизма. Он отомстит за него новой и еще более энергичной работой на пользу того дела, за которое пострадали ростовские подсудимые, на пользу массового рабочего движения, несравненно более опасного и страшного для русского правительства, чем самые смелые покушения на жизнь его отдельных представителей. Вечная слава пострадавшим борцам, и да здравствует рабочее движение! Да здравствует революционная социал-демократия!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Вале. Письма и адрес получили.

Тифлисцу. Очень рады будем, если пришлете обещанную корреспонденцию о настроении южной России.

Педагогу. Письмо получено, получаете ли наши письма?

Получено: от Астраханского Комитета — 150 руб. (из них 50 р. на специальную цель); из Лондона за литературу — 5 ф.; от Ф. из Н. — 15 шилл.; от старого друга — 500 фр.; от Сен-Бернар. — 100 фр.; за литературу, из М-а — 45 фр.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Освобождение» — см. прим. 12-е к № 38 «Искры».

Прим. 2. О восстании в Польше — см. прим. 1-е к № 33 «Искры».

Прим. 3. Турецкая война (1877—1878) была предпринята Россией в целях раздела Турции и создания на Балканах из обломков Турецкой империи славянских государств, формально независимых, но фактически вассальных России. Огромный перевес военных сил на стороне России предрешил исход кампании: Турция была разбита и вынуждена подписать Сан-Стефанский мирный договор (3 марта 1878 г.), означавший ее полную капитуляцию. Однако Сан-Стефанскому договору не суждено было осуществиться из-за противодействия европейских держав, главным образом Австрии и Англии, не желавших допустить усиления России на Балканах. Под их давлением царское правительство согласилось на созыв европейской конференции держав. Результатом работ этой конференции явился так называемый Берлинский трактат, отменивший Сан-Стефанский договор и таким образом лишивший Россию плодов ее победы.

Прим. 4. Толстой Л. Н. граф, (1828—1910) был отлучен от церкви в феврале 1902 г. за открытое осуждение православной церкви, ее обрядов и догматов. Отлучения этого в течение многих лет добивался Победоносцев, желая подорвать в глазах широких масс авторитет Толстого. По существу, учение Толстого о непротивлении злу, аскетизме, личном самосовершенствовании было глубоко реакционным и не противоречило интересам самодержавия.

Прим. 5. Вандея — департамент в Зап. Франции, ранее часть провинции Пуату. Во время великой французской революции Вандея, в силу отсталости своих экономических и социальных условий, оказалась главным очагом крестьянской и роялистской контр-революции. Толчком для восстания послужил набор в революционную армию, об'явленный Конвентом 10 марта 1793 года. Восставшие под руководством священников крестьяне с исключительной жестокостью расправлялись с «патриотами»— сторонниками революционного правительства. По мере развития движения яснее оформлялись и цели восстания. Под влиянием дворянства, нахлынувшего в большом количестве в армию вандейцев, восстание быстро приобрело роялистский характер.

После первых успехов, во время которых вандейцы угрожали даже Нанту, они были разгромлены в сражении при Шоле (17 окт.), а сама Вандея разорена войсками Конвента. Попытка связаться с англичанами через Нормандию оказалась для вандейцев неудачной, и в декабре того же года они снова потерпели решающее поражение. После этого в Вандее продолжалась мелкая партизанская война, окончательно ликвидированная только к июлю 1796 года. Благодаря указанной роли, слово «Вандея» стало синонимом контр-революции.

Прим. 6. Здесь речь идет о побеге из киевской Лукьяновской тюрьмы группы искровцев, арестованных в феврале 1902 г. Побег был организован Киевским с.-д. Комитетом 18/VIII 1902 г. Бежали 10 с.-д. (среди них Крохмаль, Литвинов, Бауман) и один эсер Плесский. Благодаря хорошей организации побега и поддержке, которую встретили беглецы на воле, всем им удалось скрыться и благополучно перейти границу.

Прим. 7. Старо-фенноманская партия — см. прим. 14-е к № 33 «Искры».

Прим. 8. «Киевлянин» — см. прим. 2-е к № 14 «Искры».

Прим. 9. «Независимцы» — см. прим. 2-е к № 9 «Искры», ст. в № 9 «Искры»— «Политический разврат и „экономическое“ тупоумие» и прим. 10-е к № 45 «Искры».

Прим. 10. «Наше Дело» — журнал, издававшийся Южно-Русским Рабочим Союзом в Николаеве, начиная с 1897 года. Вышло 3 номера. Основной задачей журнала было: «Развить свои заветные, главные мысли о необходимости борьбы русских рабочих с капиталистами и о необходимости для этого об'единения и сплочения». Значительно меньше внимания журнал уделял политической борьбе с самодержавием, поскольку и сам Южно-Русский Рабочий Союз имел характер наполовину политической партии, наполовину экономического об'единения. В январе 1898 г. «союз» был разгромлен полицией и издание журнала было прекратилось.

Прим. 11. «Кавказский Союз» — см. прим. 11-е к № 40 «Искры».

Прим. 12. «Северный Союз» — см. прим. 5 к № 34 «Искры».

Прим. 13. «Вперед» — см. прим. 11-е к № 43 «Искры».

Прим. 14. «Национал-либеральная» партия Германии возникла в 1867 г. из партии прусских прогрессистов. В 70-х годах национал-либералы, опиравшиеся на крупную промышленную буржуазию, были самой сильной партией в рейхстаге и принимали активное участие в об'единении империи и обеспечении благоприятных условий для ее капиталистического развития. В конце 70-х годов партия раскалывается: часть ее (правое крыло) становится на позицию протекционизма, другая, оставшаяся верной принципам свободной торговли, образует в 1880 г. особую группу «либеральный союз», вскоре примкнувший к «свободомыслящим». С этого времени партия теряет значительную часть своего прежнего влияния. Раболепство перед правительством, соглашение с консерваторами — такова основная тактическая линия национал-либералов. В то же время национал-либералы всячески разжигали «социалистическую опасность» и обостряли отношения между правительством и социал-демократией, отсюда их кличка «шарфмахеры»-«заострители».

Прим. 15. Бассерман Эрнст (1854—1917) — лидер национал-либералов. С 1893 г. член рейхстага и некоторое время руководитель левого крыла партии. В 1902 г. становится общепризнанным вождем национал-либералов и делает резкий поворот вправо. Ярый противник германской социал-демократии, Б. явился организатором блока национал-либералов с консерваторами (так называемый «бюловский блок» 1907—1909 г.г.), целью которого являлась поддержка империалистической политики Бюлова и борьба с социал-демократией.